

Имя шторма

Автор:

Марина Суржевская

Имя шторма

Марина Суржевская

Мир за Великим Туманом #4

Программа переселения на фьорды закрыта. Конфедерация бурлит от слухов о жутких чудовищах, что обитают по ту сторону Тумана. Командор Грей плетет паутину интриг, желая уничтожить загадочный мир. Но все это мало интересует студентку Миранду Коллинз. Ведь у нее своя жизнь, в которой нет места сказкам о варварах. Но одна ошибка, один запущенный в небо фантом полностью меняют планы Миранды. И девушка оказывается там, где меньше всего хотела – в краю скал и озер. В мире ильхов, страшных тайн и невероятных открытий, которые уже ждут незваную гостью. «Имя шторма» – четвертая книга из серии «Мир за Великим Туманом».

Марина Суржевская

Имя шторма

Глава 1

– Свет, – сказал Этан Грей, и под потолком плавно разлилось белое сияние крошечных встроенных ламп.

В его спальне, расположенной высоко над землей столицы Конфедерации, было настолько тихо, что даже полет мухи показался бы оглушительным гулом истребителя. Но в привилегированном небоскребе не водилось мух. Мух, тараканов или других вредителей, способных нарушить покой уважаемых постояльцев.

Здесь было тихо, чисто, красиво и очень, очень дорого.

Командор моргнул и посмотрел на свое тело, укрытое тонким синим покрывалом. Посмотрел, пытаясь понять – какие сюрпризы ожидают его этим утром. И выдохнул, отбросив одеяло.

Внезапный приступ ярости накрыл так резко, что Этан не успел подготовиться. Он слетел с кровати, упал на четвереньки и зарычал, молотя правой рукой по светлому паркету. Левую руку командор не чувствовал, хотя и опирался на нее. Пальцы побелели, словно это была не живая плоть, а ледяной мрамор.

Изморозь этим утром продвинулась еще выше – почти до локтя. Подарок проклятого варвара – хёгга.

Командор со свистом втянул воздух и заставил себя успокоиться. Ярость никуда не делась, но Этан свернул ее внутри себя колючим жгутом – крепко-накрепко. Свернул и закрыл в глубине своей сущности. Никто и никогда не заподозрил бы сдержанного командора в подобных приступах. В злости, раздирающей его грудь. В ненависти, выжигающей сердце.

Впрочем, никто не поверил бы даже в то, что у командора Этана Грея вообще есть сердце.

Встряхнувшись, хозяин апартаментов на сто тридцатом этаже встал и отправился в душ. Скрипнул зубами, когда в спину ударили холодные струи, но даже не подумал сделать воду теплее. Некоторое время стоял неподвижно, тщательно отмеряя вдохи и выдохи. Это помогло – как всегда. И уже спокойнее командор снова взглянул на свою левую руку.

Да, изморози стало больше. Пальцы двигались, рука работала, но полностью утратила чувствительность. И ни один профессор, ни одно светило от медицины не могли объяснить происходящее.

– Это за гранью наших знаний, командор, – запинаясь, произнес один из них при последнем визите Грея.

Все посещения командора были строго секретными, и за разглашение тайны профессорам грозили пожизненные сроки в самой страшной тюрьме Конфедерации. Возможно, поэтому на командора разведки светила медицины смотрели с опаской. Впрочем, к такой реакции на свое появление Грей привык.

– Это за гранью нашего понимания. В вашем организме происходят неизвестные нам изменения. Эпителий, сосуды, кровь, даже молекулярная решетка – все стало иным. Но мы не можем это объяснить, а тем более – остановить. Для нашей науки такие изменения – нечто совершенно новое. Мы могли бы начать исследования... провести опыты, наблюдать... Но...

– Достаточно, – оборвал тогда Грей, разворачиваясь к выходу.

В глубине души он с самого начала знал, что никакие исследования и опыты не помогут. Наука Конфедерации не способна остановить то, что сотворил с командором варвар.

Встряхнувшись, но не вытираясь, Грей провел ладонью по волосам и покинул душевую. Оставляя на полу влажные следы, которые тут же испарялись, мужчина прошел в комнаты – двести квадратных метров функциональной чистоты и эргономики. Встал напротив черных окон, протянувшихся от пола до потолка, и произнес:

– Светопроницаемость.

Стекла начали медленно светлеть. Словно чернота таяла на их безупречно чистой поверхности, пока не исчезла полностью, сделав окна совершенно прозрачными.

Над столицей Конфедерации вставало солнце. Оранжевые лучи мягко золотили башни из стекла и железа. С высоты сто тридцатого этажа столица лежала как на ладони. Великолепные, возносящиеся к небесам небоскребы, отражающие зеркальными гранями солнечный свет. Ровные стрелы магистралей и проспектов, аккуратные полосы парков и лаконичные арки чугунных мостов. В

каждом квадратном метре – удобство, комфортабельность и четкая выверенность линий. Красота усмиренной природы. Великолепие, созданное прогрессом.

Командор заложил руки за спину, с удовольствием взирая на город у своих ног.

Это его мир.

Его Конфедерация.

Словно в насмешку, где-то внизу, у земли, которую даже не видно с высоты сто тридцатого этажа, хлопнул ящичек с фантомным огнем. Двое парней и девушка, оглядываясь, чтобы не попасть на глаза патрулю, подожгли толстый шнур и, пряча лица под капюшонами, бросились к густым зарослям аллеи.

Огонек с шипением пополз до основания ящичка – и тот хлопнул.

Одну невыносимо долгую секунду ничего не происходило. А потом в небо взвился огненный дракон. Огромный ящер, взлетев в небо, завис прямо напротив командора Этана Грея.

Словно насмехаясь. Словно издеваясь!

Черный дракон махал крыльями и выпускал дым напротив чистых окон небоскреба.

Конечно, чудовище было ненастоящим. Всего лишь иллюзия, созданная огнем и дымом, подделка. Невинная забава. Но от вида этого существа, пусть и нереального, командор снова потерял контроль над своей яростью. Совершенно забыв, что он голый и мокрый после душа, Грей обеими руками ударил в непробиваемое стекло своих апартаментов. Ненависть снова развернулась внутри – горячая, живая, огненная, как проклятый фантом, уже тающий в небе. Ненависть к фьордам, к варварам, ко всему миру за Туманом.

Два месяца назад командор показал Конфедерации оскаленную морду фьордов, явил чудовище, обитающее там. Проклятую программу переселения наконец закрыли, но... но вместо уважения, почитания и благодарности командор увидел

совсем иную реакцию! Люди, которых Грей желал спасти, не хотели быть спасёнными! И совершенно неожиданно возник почти культ проклятых хёггов-драконов! Патрули уже несколько раз разгоняли митинги, требующие возобновить программу переселения и дать людям возможность посетить фьорды. Идиоты! Сумасшедшие тупицы! Масс-медиа, подконтрольные властям, драли глотки, чтобы нагнать страха и внушить населению ужас и отвращение к фьордам, но, кажется, это мало помогало, лишь усиливало интерес к миру за Туманом. И вот такие фантомные драконы уже не первый раз взмывали в небо над столицей Конфедерации!

И это несмотря на запрет, введенный властями. Несмотря на то, что за подобное грозит заключение почти на год!

Проклятые, проклятые фьорды! Какой силой вы обладаете, что даже те, кто никогда вас не видел, стремятся к вам? А те, кто видел – сходят с ума, не в силах забыть? Что за магия разлита во влажном воздухе, наполненном запахами мха и соли? Что за власть кроется в озерах и скалах, не позволяя жить, не позволяя очнуться от этого наваждения?

Проклятые фьорды. Ненависть к вам сводит с ума. Она похожа на одержимость.

Фантомный дракон растаял в воздухе.

Но командор не мог остановиться. Он колотил по стеклу снова и снова, пока... пока под левым кулаком не расплзлась паутина. Пока непробиваемое стекло не треснуло!

Осколки брызнули в разные стороны, впились в обнаженное тело мужчины, и он пришел в себя. Ошарашенно глянул вниз – между ним и бездной сто тридцатого этажа больше не было преграды. Он разбил ее. Разбил кулаком, похожим на белый мрамор.

Где-то в пункте безопасности уже заливалась сирена, оповещающая о нарушении целостности. Беспрецедентный случай. И уже через пару минут апартаменты наводнят сотрудники безопасности.

Командор сделал медленный шаг назад. И еще один. С его тела капала кровь – в грудь и бедра впились мелкие осколки стекла.

Грей взял со столика полупрозрачный телефон, провел по экрану. И когда связь установилась, рявкнул:

– Я разве не ясно выразился? Никаких драконов! Так почему прямо в центре столицы кто-то запустил фантом? Найти нарушителей. Немедленно!

На том конце начали что-то говорить, но командор уже отключился.

И посмотрел на свою левую руку. На белой, как лед, коже не было ни единого пореза.

* * *

Спустя два часа, когда ошарашенные сотрудники безопасности запустили программу восстановления стекла и крошечные механические пауки начали наслаивать чешуйки прозрачной субстанции, чтобы залатать повреждения, Этан Грей уже был в своем кабинете в здании госбезопасности. Собранный, аккуратно причесанный, в привычном сером мундире. Сейчас никто не заподозрил бы в этом человеке склонности к неконтролируемым приступам злости. Единственной деталью, выбивающейся из общего образа, была перчатка на его левой руке.

Напротив командора сидел человек в плаще. Капюшон привычно прятал его лицо.

– Варвары закрыли проход через Туман, – из-под темной ткани голос доносился гулко и хрипло, словно гость был простужен. – И я пока не вижу возможности попасть на фьорды.

– А ведь вас рекомендуют как человека, для которого нет невозможных заданий, – позволил себе толику насмешки командор, но его гость даже не шелохнулся, и Грей вновь стал серьезным. – Я нашел выход. Вероятно, единственный. Мои люди доложили, что завтра варвары откроют тайный проход для сестры Андерса Эриксона и ее мужа. Предатель решил спрятать родственницу от глаз Конфедерации.

Командор усмехнулся и щелкнул пультом, зажигая висящий на стене экран. Панель показала изображение молодой темноволосой женщины и ее полноватого спутника.

– Это Хельга и Бран Линдбург. Вы займете место последнего.

Гость в плаще едва слышно хмыкнул.

– Даже модификация не сделает меня господином Линдбургом. Лишь придаст отдаленное сходство.

– Этого будет достаточно, – оборвал командор. – Эриксон ждет родственников в Нероальдафе. В одном из городов фьордов. Встречать вас и вести через Туман будут варвары. А они никогда не видели чету Линдбург. Естественно, в Нероальдафе супруги не попадут. Ваша задача – оказаться на фьордах и... исчезнуть. Это понятно?

– Более чем.

– Официальный проход на фьорды сейчас закрыт, поэтому вас встретят в ином месте.

– Полагаю, мне нужна спутница. Но я не работаю в паре. И не потерплю рядом с собой соглядатая. Так что не думайте навязать мне кого-то из вашего ведомства.

– Я знаю ваши условия.

Командор нажал кнопку коммуникатора.

– Краус, выведи на мой экран изображения девушек, находящихся сейчас под следствием. Параметры: возраст от двадцати до тридцати лет, темные волосы, светлые глаза, сухощавая. Срочно.

– Да, командор, – ответил коммуникатор и на несколько минут замолчал.

Потом экран мигнул, на нем появились сигналистические фотографии арестантки – в анфас и в профиль. На них была молодая брюнетка. Минуту мужчины рассматривали изображение. Девушка выглядела одновременно испуганной и дерзкой, возможно, из-за длинной косой челки, выкрашенной в яркий синий цвет. Лицо с резкими скулами и широко расставленными светло-серыми глазами казалось слишком волевым, чтобы быть миловидным. В левой брови и ноздре девушки сверкали камушки.

Гость командора едва слышно хмыкнул.

Коммуникатор снова ожил:

– Наиболее подходящий вариант – Миранда Коллинз, двадцать четыре года. Родилась и до двенадцати лет проживала в Окламе, с родителями и двумя братьями. После гибели старшего брата семья переехала в столицу. Миранда и ее младший брат Алекс являются студентами спортивного университета...

– За что задержана? – оборвал командор.

– Хулиганство и нарушение статьи 206, пункт 10. Сегодня утром задержанная запустила огненного фантома в виде дракона. Прямо посреди города. Ее подельники сумели скрыться от прибывшего патруля...

– Так это она запустила в небо хёгга? – подался вперед Этан Грей. И вдруг расхохотался, что было ему совершенно несвойственно. – Ну надо же! Богиня возмездия сегодня необычайно быстра на расправу! – оборвал он смех и сухо велел: – Арестованную доставить в центр госбезопасности. Немедленно.

– Приказ принят, командор.

Этан Грей откинулся на спинку кресла. Его спутник смотрел на экран, но вопросов не задавал.

* * *

«Тебе понравится, Мира, оторвемся не по-детски, Мира! – говорил мой чокнутый брат и его такой же чокнутый друг. – Не будь занудой, Мира, давай

развлечемся!»

Развлеклись.

Алекс и Джет сейчас уже пьют чай на кухне их маленькой съемной квартирки и веселятся, вспоминая это утро. А вот я сижу в тесной камере, смотрю на крошечное окно с железными прутьями и не могу поверить, что все это реально. И что я действительно оказалась за решеткой.

– Эй, сестренка, это будет весело! – убеждал меня Алекс.

Теперь я могла бы ему сказать, что это совсем не весело. Вот ни капельки. Нет, запускать фантома оказалось забавно, и когда призрачное чудовище взмыло к верхним этажам небоскреба – даже дух захватило. Но вот на этом все развлечение и закончилось. Алекс и Джет со всех ног ломанулись к кустам, а я вот замешкалась. Парящий над головой дракон завораживал. Конечно, я и раньше видела огненных фантомов. Здесь, в столице, на праздники их запускают целыми пачками. Даже в Окламе развлекают публику подобными представлениями. Огненные птицы и звери, колесницы и люди несутся по воздуху, вызывая восторг у зрителей. Но с некоторых пор во всех городах стали взлетать к небесам не звери и птицы, а драконы. Вот и брат поддался этой лихорадке, охватившей всю Конфедерацию!

Я потерла лоб и снова обвела взглядом узкую конуру с двумя рядами скамеек. На противоположной стороне дремала жутковатого вида женщина, рядом высилась какая-то куча тряпья. От нее так сильно разило вонью, что в первые минуты за решеткой я думала – умру от одного лишь запаха.

Я стиснула зубы. Вот бы Алекс посидел тут и подышал тюремными ароматами, может, это отбило бы у него желание безобразничать! Но мой везунчик-брат, как всегда, успел смыться, а все наказание достанется мне! Так бывало и в детстве, когда Алекс разбивал кувшины и тарелки, пачкал одежду или пугал соседскую старушку Анну, а потом смотрел с невинным лицом и без малейшего сожаления сваливал все на старшую сестру. Удивительно, но даже родители, знающие пакостливую натуру Алекса, все равно ему верили.

И вот зачем я ввязалась в эту авантюру? Вот зачем?

Я притиснулась ближе к окну, стараясь дышать ртом.

Может, все дело в Джете. В том, что он мне нравится. Пожалуй, даже больше, чем нравится! И когда Алекс начал рассказывать о новой забаве, я не смогла убедить брата оставить эти глупости! Хотелось выглядеть перед Джетом смелой и рискованной.

Я скривилась от собственной глупости.

Алекс и Джет познакомились в университете и сразу стали лучшими друзьями. У обоих была тяга к лихим авантюрам и розыгрышам, так что два красавчика постоянно ставили на уши все учебное заведение. Не вылететь в первый же семестр за свои развлечения им помогли лишь выдающиеся спортивные таланты. Оба выступали за сборную университета по плаванию и всегда брали призовые места.

Куча тряпья зашевелилась, развернулась, и вонь стала такой невыносимой, что я закашлялась.

– Девушки, дымка не найдется? – сипло пробасила куча, оказавшаяся мужчиной. Ну, вероятно, мужчиной. Он был настолько грязным, что сказать точнее вряд ли возможно.

Я вскочила и прилипла к стене, надеясь дотянуться до окна. Но это не помогло. Не в силах больше выносить помойное зловоние я рванула к решетке и забарабанила по ней.

– Выпустите меня! – заорала я в глубину тюрьмы. – Я ничего не сделала! Да это был всего лишь огненный фантом! Просто забава! Вы не имеете права держать меня здесь!

Из полумрака показался мужчина в форме.

– Миранда Коллинз, на выход, – объявил он, и я чуть не взвыла от радости.

Да куда угодно, только бы подальше от этого убивающего запаха!

Железная дверь лязгнула и открылась, я вылетела в коридор.

– Следуйте за мной, – велел законник.

Я послушно и почти вприпрыжку понеслась за быстро удаляющимся мужчиной.

Конечно, как и все, я слышала сплетни о фьордах. Пару месяцев назад по всем каналам показывали огромного дракона, взлетающего над домами. Ох, что тогда было! Конфедерация словно с ума сошла! Все говорили о драконах. Спорили, перекрикивали друг друга! Нам грозит гибель от внезапно обнаруженной формы жизни? Это подделка и провокация? Опасны ли фьорды? Что случилось с переселенками? Разговоры не умолкают по сей день, а споры лишь разгораются. Наш мир разделился на тех, кто верит в существование драконов, и тех, кто считает это очередной «липой». Видео почти сразу нарекли подделкой, свидетели исчезли. А кто не исчез, тех признали сумасшедшими. На каждое доказательство приводилась куча опровержений. Вслед за первым шокирующим видео в сети конфер-нэт появилось сразу несколько похожих и тут же – подробный отчет, как создать подобный ролик с дополненной реальностью. Как создать реалистичного дракона. В конце концов, мы живем в мире, где каждый школьник умеет монтировать видеоролики со всякими монстрами. Что уж говорить о профессионалах подобного дела? Поэтому никто не знал, чему действительно стоит верить. Власти Конфедерации отмалчивались и ограничивались сухим: «Идет разбирательство, данные не разглашаются».

Единственное, что стало известно наверняка – программу переселения на фьорды решили временно остановить. «До выяснения подробностей дела» – еще одно сухое постановление. Об этом я знала, потому что за Туман собиралась знакомая из университета. Она грезил загадочным затерянным миром и истово верила в то, что там и правда живут драконы. Я на ее восторженные вопли лишь головой качала.

А еще в Конфедерации появился новый культ, кажется, эти ненормальные назвали себя «Дети драконов». И теперь повсюду развешивают изображения монстров, клеят оскаленные морды на свою одежду, носят рогатые маски и запускают в воздух крылатых фантомов. Мой брат и его друг вступили в культ ради забавы, они надо всем этим потешались, но, конечно, не могли упустить подобное развлечение!

Я же относилась к новостям и ажиотажу вокруг фьордов довольно прохладно. Пожалуй, даже не совсем верила в происходящее. Уж слишком нереально все это выглядело. К тому же у Алекса и Джета на носу были крупные соревнования по плаванию, и я делала все, чтобы разгильдяи об этом не забыли. Из нас троих некое понятие о дисциплине имелось лишь у меня. Зато все награды и призовые кубки – у парней... Хотя Алекс и говорил каждый раз, что его победа принадлежит нам обоим. Но я никогда в это не верила.

Так что вся эта шумиха вокруг фьордов и хёггов прошла мимо моего сознания, зацепив лишь краешком. В конце концов, фьорды далеко, а реальная жизнь – вот она. И жить надо ею, а не глупыми сплетнями и невероятными газетными заголовками.

Да и вообще... Скоро ведь соревнования!

Вспомнив о них, я чуть не взвыла. Сейчас Алекс и Джет должны отрабатывать свою технику, а я – находиться рядом, а не бежать по серому бетонному коридору, который ведет меня... А кстати? Куда он ведет?

Коридор закончился еще одной дверью. И здесь на меня надели наручники! Я в панике уставилась на мигающий индикатор. Говорят, если отдалиться от сопровождающего законника, то лезвия браслетов выдвигаются и...

– Послушайте, я не понимаю, куда вы...

– Я не уполномочен с вами общаться, госпожа Коллинз. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Вам все объяснят.

– Что объяснят? Кто?

Законник молча открыл дверь на улицу. И меня втолкнули в стальную коробку, перевозящую преступников.

Ехали мы недолго. Я снова выбралась на улицу и, моргая, увидела высокое здание без каких-либо вывесок или табличек.

Куда меня привезли?

– Что происходит? Зачем мы здесь?

– Следуйте за мной.

Ладно.

Я повыше задрала подбородок. Ну не казнят же меня за этот фантом, в самом-то деле! Я полноправная гражданка Конфедерации, у нас есть законы! Все будет хорошо! Да, я слышала что-то о запрете на подобные действия, на изображения драконов и все такое... Но раздери меня демоны! Это всего лишь шалость! Я никому не причинила вреда. Видимо, мне выпишут штраф. Возможно, даже с занесением в рекомендательный лист. Сообщат родителям и в университет. Первые наверняка лишат нас с Алексом карманных денег, а вторые – повесят мою фотографию на доску позора.

Я приуныла. Висеть на позорном столбе даже в виде собственного портрета совсем не хотелось. И не видать мне теперь нового артфона, вот точно не видать! После такой выходки родители отберут и старый!

И зачем только я послушала Алекса?

Вслед за сопровождающим я вошла в просторный кабинет. В кресле сидел мужчина в серой форме, напротив – еще один, в плаще с капюшоном. Но я не успела удивиться его одеянию.

Серый окинул меня внимательным взглядом и кивнул. И тут же мне в плечо впилась игла.

– Что... – сказала я и на этом отключилась.

Глава 2

...Белый потолок и белые стены... Какой-то мигающий прибор. Больница? Но зачем я здесь? Я ведь совершенно здорова!

– Что делать с девушкой, когда мы пересечем Туман? – спросил кто-то позади меня.

Но ответа я не услышала.

И снова темнота.

А потом...

Я очнулась – пробудилась. Во рту так пересохло, что язык стал казаться куском грубого дерева! Кажется, он даже поцарапал мне десна!

– Пить... – прохрипела я, моргая и пытаюсь сфокусировать взгляд. В зоне видимости возник мужчина. Полноватые щеки, темные волосы. Глаза скрываются за синими стеклами очков. На нем коричневые штаны и плотная рубашка. Сверху – какой-то жуткий старомодный плащ. И шарф грубой вязки на шее.

Мужчина открыл бутылку с водой и поднес к моим губам. Со стоном наслаждения я сделала глоток. А потом жадно прикончила всю бутылку! Мужчина рядом хмыкнул.

– Где мы? Что... что случилось? – просипела я, возвращая себе способность думать. – Куда мы летим? О Единый! Мы что же, в самом деле летим?

Я поморгала, оглядываясь. Да какого демона? Что происходит? Где я?

Очевидно, что в самолете. Вот только не в привычном, пассажирском. Железное нутро нашего транспорта было слишком... суровым. Здесь стояли какие-то ящики, что-то мигало и пикало. Здесь не было нормальных мягких сидений, а над головами висели... парашюты?

Да какого демона?!

Я набрала в рот побольше воздуха. Сама не знаю, что собиралась сделать. Возможно, заорать?

– Не советую, – абсолютно спокойно произнес мужчина в очках. – Кричать совершенно бессмысленно. Бежать тебе тоже некуда. Мы находимся на высоте десять тысяч метров.

– Не помню, чтобы переходила с вами на «ты»! – огрызнулась я, но орать передумала. Даже мой все еще затуманенный разум осознал слова незнакомца и признал их справедливость.

Мужчина усмехнулся. Но как-то криво. Словно улыбка давалась ему с трудом.

Странно. Все это просто невероятно странно! Может, я сплю? Брежу?

Увы, нет.

– Объясните, что происходит! Где мы?

– Да, пожалуй, самое время. – Незнакомец посмотрел на часы. – Скоро приземление, госпожа Линдбург.

Линдбург?

Единый, ну конечно! Меня приняли за кого-то другого! Сейчас все разрешится, и меня вернут домой!

– Вы ошиблись! – я не смогла сдержаться и перешла на крик. – Это какая-то ужасная ошибка! Меня зовут Мира! Миранда Коллинз! Я никакая не госпожа Линдбург! Вы слышите? Это все...

– Успокойся, – окатил ледяной водой голос незнакомца.

Он снял очки, и я увидела его глаза. Жесткие, как гранит. Мертвецки спокойные. Удивительно не сочетающиеся с полноватыми щеками и маленькими усиками над губой. Рядом с такими глазами просто не может быть таких щек и усиков. Это противоречит законам мироздания.

И глядя в эту гранитную тьму, я почему-то поняла, что нет никакой ошибки. И что незнакомец с лицом, ему не принадлежащим, совершенно точно знает, кто я.

Возможно, он знает обо мне даже больше, чем я сама.

– Ты – Хельга Линдбург, – с нажимом произнес страшный незнакомец. – А я твой муж Бран. Мы направляемся к твоему брату Андерсу. По которому ты очень соскучилась, моя дорогая жена.

Я моргнула, ничего не понимая. Хельга? Муж? Брат Андерс?

Единый, я точно сейчас заору. Это совершенно бесполезно и непродуктивно, но очень хочется. Заорать так, чтобы этот странный человек оглох и оставил меня в покое!

Но я не заорала. Кажется, я даже дышать стала тише.

Мужчина склонился ниже к моему уху.

– А вот Миру Коллинз временно забудь. Потому как Мира Коллинз совершила преступление и была осуждена на год заключения.

– Что? – изумилась я. – За невинную шалость?

– За нарушение закона Конфедерации. Была осуждена, но вместо заключения предпочла другой вид наказания. Изобразишь Хельгу Линдбург, выполнишь, что я скажу, и будешь свободна.

– Но кто вы?

– Говори мне «ты», дорогая супруга. Не переживай, можно сказать, что я представитель власти. Ты ведь помнишь учреждение, куда тебя привезли? Помнишь? Все твои действия на благо Конфедерации. И помочь мне – это твой долг перед своей страной.

Я нахмурилась. Снова захотелось пить, высохший язык все еще царапал рот. Но снова просить воду я не стала.

О чем говорит этот человек?

Последнее, что я помню – это строгий кабинет и военного в кресле. Хотя нет, там был кто-то еще – в плаще и капюшоне.

Дальше память забуксовала и отказалась выдавать что-нибудь дельное. Ничего не помню!

– Хотите сказать, что я согласилась помочь вам?

– Конечно, – тронула губы мужчины кривая неестественная ухмылка.

И снова меня передернуло от несоответствия этих губ и этих глаз.

– Ведь помимо тебя осужден и твой брат. И его друг – Джет Варниш. Им грозит по два года заключения. Это конец их спортивной карьеры, ты ведь понимаешь. Но своей готовностью сотрудничать с властью ты, Хельга, обеспечишь парням свободу. Спасешь их и себя. В конце концов, это и правда была лишь глупая шутка. Зачем же ломать вам всем жизнь из-за глупости? Ведь так?

Я растерянно молчала. В голове все еще шумело, мысли текли вяло. Происходящее мне по-прежнему не нравилось, как и этот человек. Единый, и зачем я согласилась запустить того фантома! Вот зачем?

– Так? – с нажимом повторил мужчина.

– Так, мой дорогой супруг Бран, – с трудом выдавила я.

– Умница. – Он криво улыбнулся. – Я знал, что мы поладим. Ссориться ни к чему, поверь мне.

Да уж, ссориться в железной коробке, несущейся под облаками, действительно глупо.

– И что же я должна сделать? – спросила я и осторожно потрогала гудящую голову. Казалось, в ней поселился рой озлобленных шершней, пытающийся выбраться на волю.

– Всего лишь улыбаться и отзываться на имя Хельга. Еще можешь упоминать своего брата, по которому очень скучаешь. Не слишком сложно, правда?

– И все? – нахмурилась я. Даже мой затуманенный разум чуял какой-то подвох.

– И все.

– Что ж... звучит несложно. Но я могу прежде связаться со своим братом Алексом? Позвонить ему? Он знает, где я? А мои родители? Им уже сообщили?

– Как много вопросов... Не переживай. Твоя семья получит объяснения, которые всех успокоят. И нет, ты не можешь позвонить. Здесь телефон не работает.

– Послушайте, это все какое-то недоразумение. – Я беспомощно оглянулась, словно надеясь увидеть Алекса и Джета, которые выскочат вон из того железного ящика с воплем: сюрприз! – Это все как-то ненормально! Должны ведь быть бумаги, есть законы... предписания там, суды... Разные! Я свободный человек! У меня есть права! Есть семья! Родители и брат! И я не сделала ничего плохого! Я всего лишь...

– Оказалась не в том месте и в не то время. Чаще всего с этого все и начинается, – мягко произнес незнакомец.

На миг мне даже почудилось в его словах сочувствие. Но заглянув в гранитные глаза, я снова увидела лишь битое стекло и камень.

Я обвела взглядом железное нутро маленького самолета. Мысли с трудом ворочались в голове, и ощущала я себя совершенно разбитой. Что мне вкололи? Сколько прошло времени?

Что, демоны всех подери, мне теперь делать?

Словно подслушав мои мысли, псевдо-Бран посоветовал:

– Сядь поудобнее, Хельга. Самолет идет на посадку.

Я хотела огрызнуться, но тут железную птицу ощутимо потрянуло, и в моем горле образовался тугий колющий ком. Проклятье! Я ведь всегда боялась летать! Ненавижу это дело! В воздухе я ощущаю себя совершенно беспомощной, слабой и больной. А я терпеть не могу все эти чувства.

Как назло, самолет затрясся так, словно собирался развалиться. Незнакомец снова надел свои очки и невозмутимо уставился в противоположную стену, предоставив мне самостоятельно сражаться со своим ужасом и усиливающейся тошнотой.

– Тоже мне, любящий муж называется, – пробормотала я себе под нос. Самолет трясло и коржило, уши заложило. Я держалась как могла и сама себе уже напоминала несчастную псину с высунутым языком. Тут уже не до гордости, выжить бы! Так что когда шасси коснулись твердой земли, я не сумела удержать протяжный вздох облегчения.

Мой фальшивый муж отстегнул ремни – свои и мои, и указал на трап.

– Что ж, мы на месте. Выходим.

На месте? Ужас перед полетом на время выбил из моей головы самый главный вопрос.

– А на месте – это где?

Хотя какая разница, главное, что мы наконец-то на земле!

Псевдомуж, не отвечая, пошел к выходу. Я на трясущихся ногах поползла следом. Яркий свет после полумрака самолета заставил зажмуриться и отчаянно заморгать. А потом я открыла глаза и увидела... увидела... Кажется, я только что решила, что хуже быть не может?

– Ну нет, – прошептала я, мотая головой и пятясь обратно в темное и уже почти родное нутро самолета. Подумаешь – десять тысяч над землей! Да ерунда! Нет-нет. На это я не подписывалась! Да вы шутите? Да ни за что!

За короткой полосой бетона темнел лес. Здесь не было ни домов, ни людей. Только лес и узкая полоса, на которую сел самолет.

А впереди поднималось белесое, непроницаемое и опасное марево, знакомое каждому жителю Конфедерации.

Туман.

* * *

Я плохо помню, как мы входили. Видимо, я все еще не оправилась от лекарств, которыми меня пичкали по дороге к фьордам. В голове шумело и перед глазами все плыло. Тело казалось ватным и каким-то чужим. Незнакомец с гранитными глазами поддерживал меня за локоть, но вряд ли это был жест заботы! Скорее, он опасался, что я в последний момент все-таки дам деру! Хотя куда мне бежать? Меня едва ноги держали, а самолет и вовсе... улетел! Пока я тарашилась на Туман, трап подняли и железную дверь захлопнули. Нас просто высадили и улетели, оставив перед самым жутким местом на земле!

Пока я осмысливала этот факт, псевдомуж тащил меня к Туману. Я шла с трудом, и если бы не держащие меня руки, то наверняка упала бы.

Некоторое время ничего не происходило. Впереди возвышалось марево, позади тихо шелестел лес. А потом... Потом марево заволновалось и соткалось в фигуру – к нам навстречу неторопливо шел дикарь. Открыв рот, я уставилась на жителя фьордов. Высокий темноглазый мужчина. Ильх – так они говорят о себе. Когда началась программа переселения, фотографии ильхов были повсюду. Но я тогда уже увлеклась Джетом, так что лишь посмеивалась над восторженными воплями своих приятельниц. Фьорды манили своими тайнами, но я никогда всерьез не думала о переселении. Ведь все знают, что это навсегда. Попасть на фьорды можно лишь пожизненно, возврата не будет.

Эта мысль заставила меня побледнеть. Как, интересно, псевдо-Бран собирается возвращаться в Конфедерацию? Он сказал, что надо притвориться Хельгой лишь на время, но как мы вернемся?

Додумать мне не дали. «Муж» обнял меня за плечи и повернулся в сторону варвара.

Тот пришел один. Широкий в плечах, мощный. На ильхе были плотные полотняные штаны, сверху темная туника с красным узором у горла. На ногах – башмаки, привязанные к голням кожаными лентами. И на плечах – шкура. Огромная такая. На шее варвара матово поблескивал черный обод. Что это? Зачем? Странное украшение... Да и сам он странный, непривычный! Другой.

Ильх остановился в паре шагов и окинул нас острым взглядом.

И только тут я сообразила обратить внимание на свой внешний вид. Скосила глаза, рассматривая, и едва сдержала очередной возмущенный вопль. Да какого демона?

Оказывается, на мне было платье – зеленое и длинное, почти до земли, а под ним еще одно – тонкое и льняное. Да как в таком наряде вообще можно ходить? Он же в ногах путается! Сверху накинута какая-то несуразная безрукавка из вязаной пряжи и кусочков меха. На талии – широкий кожаный пояс. Белье... я прислушалась к ощущениям. Кажется, белье по-прежнему на месте и даже мое собственное. Ноги под платьями голые, только на стопах – высокие серые носки. И грубые башмаки. Совершенно дезориентированная, я задрала подол, осматривая это чудо обувной промышленности. Или они сделаны вручную? Похоже на то.

Жуть жуткая, а не наряд!

Где мои стильные джинсы и модные кроссовки с неоновой полосой? Где легкая курточка из нового умного волокна?

Вот же попала!

И кто, интересно, меня переодевал?

Меня – спящую, ничего не чувствующую!

Я потеряла лицо и чуть не зашипела. Сережки-пирсинг, украшающие нос и бровь, тоже исчезли. Как и яркая синяя челка. Оттянув пряди, я убедилась, что волосы теперь однородного цвета, моего родного, темного. Кто-то заплел их в аккуратные косы и перевязал веревочками. Гадость!

Злость взметнулась внутри, обжигая. Да как они посмели?! Я гражданка Конфедерации! У меня есть права! Я буду жаловаться!

Затравленно оглянулась. Позади монолитной стеной высился лес. Впереди – Туман. Между лесом и маревом только трое. Я и двое мужчин.

Права? Да плюнули на мои права и растерли... И здесь, возле полосы Тумана, нет никого, кто стал бы эти мои права защищать. И что мне делать? Повернуться и броситься к деревьям? А дальше что? Куда?

Думай, Мира, думай!

Скрипнув зубами, я заставила себя успокоиться.

Происходящее по-прежнему казалось мне каким-то нереальным. Словно и правда глупый розыгрыш. Может, Алекс постарался, и все это – его рук дело?

Я посмотрела на молчащего варвара. Ну уж нет! На такое даже Алекс не способен.

Перед глазами снова поплыло, мысли спутались.

– Хельга и Бран, я вас ждал. Я – Трув из Нероальдафе, меня послал Сверр-хёгг, – нарушил молчание варвар. – Я проведу через Туман.

– Благодарим тебя, Трув из Нероальдафе, – склонил голову псевдо-Бран.

Варвар глянул на меня и вдруг нахмурился.

– Твоя венлирия ведет себя странно, Бран. Что с ней? – Его рука скользнула вбок, и я рассмотрела там рукоять.

Да у него же там меч! Самый настоящий! А я думала, все это вранье... Про то, что варвары ходят с мечами и секирами...

– Полет был долгим и непростым. А моя жена тяжело переносит самолеты, – дружелюбно ответил мой спутник. Его голос странно отозвался внутри, проникая сквозь мое затуманенное сознание.

– Тут я ее понимаю. Летать в мертвой железной птице – что может быть ужаснее? Кто бы сказал – не поверил, – проворчал варвар с непонятной злостью. И неожиданно шагнул ко мне ближе, склонился, всматриваясь в лицо. – Ты здорова, дева? Ты бледна и от тебя пахнет страхом. Твой муж спокоен и тверд, а ты дрожишь, как сухой лист в ненастье. Что так испугало тебя?

– Я...

Варвар смотрел внимательно. Он был уже далеко не молод, резкие борозды морщин исчертили бронзовое лицо, а в черных волосах, заплетенных в косы, блестела седина. Но даже в таком возрасте ильх оставался удивительно привлекательным. Признаться, у меня даже дух захватило, когда я увидела его вблизи. От дикаря веяло мощью. Первозданной, необузданной силой. Но почему-то казалось, что эта сила не навредит мне. И я вдруг ощутила желание все ему рассказать. Довериться. Попросить помощи...

И тут же чуть не рассмеялась своим глупым мыслям. Кому я собралась изливать душу? Варвару из-за Тумана? Нет, мне точно дали что-то запрещенное. Вот и лезут в голову разные глупости.

– Моя жена или, по-вашему, венлирия, беспокоится об оставленных друзьях, – негромко произнес псевдомуж. Его рука снова легла мне на плечи, поглаживая. – Об Алексе и Джете. Нам пришлось попрощаться, и Хельга переживает, все ли с ними в порядке. Они склонны ко всяким безрассудствам, вот Хельга и волнуется. Не так ли, дорогая?

Его рука расслабленно лежала на моем плече. Я покосилась на мерзавца. Намек был более чем понятным.

Оглянулась на пустую бетонную полосу позади. На лес за ней. И совершенно четко поняла, что у меня нет выбора. Только сделать то, что хочет от меня

негодяй с гранитом в глазах.

– Так, – пробормотала я, пытаюсь улыбнуться. – Простите меня. Я неважно себя чувствую, полет и правда оказался тяжелым. И все это... Слишком неожиданно. Но мне не терпится увидеть брата. Думаю, рядом с Андерсом все мои тревоги исчезнут.

Варвар не двигался, внимательно всматриваясь в мое лицо. Его рука по-прежнему лежала на рукояти устрашающего меча. Что будет, если он не поверит? Поможет мне? Да уж конечно! Скорее покрошит на фарш и меня, и псевдо-Брана!

Я не увидела, скорее почувствовала, как напрягся мой «муж», и снова улыбнулась ильху. Что он там говорил про железных птиц?

– Полет в самолете – ужасное испытание. Я думала, что не переживу его.

Варвар еще мгновение смотрел мне в лицо, но я улыбалась и пыталась не дрожать, так что ильх расслабился и кивнул.

– Что ж... Фьорды излечат твою тоску, дева. Радуйся, скоро ты увидишь лучшее место на земле. Ты увидишь Нероальдафе.

И развернувшись, он шагнул в Туман. Псевдо-Бран схватил меня за руку и потащил следом.

* * *

Проход сквозь липкое марево длился несколько часов. Или дней? Я полностью потеряла ориентиры и уже не понимала, сколько времени мы бредем в неизвестность. Один раз «муж» отпустил мою руку, и я сама вцепилась в его ладонь, испугавшись Тумана. Я слышала множество баек про эту неизведанную субстанцию. Его природу так и не смогли определить, ученые до сих пор спорят, чем именно является Туман. Кто-то уверяет, что это лишь природное явление, кто-то верит в его мистическую силу. Жители Конфедерации точно знают лишь одно – входить в Туман нельзя.

Сейчас я могла сказать, что реальность оказалась страшнее любых предположений. Марево вокруг меня было живым. Оно дышало и двигалось, заглядывало в лицо, манило в бездну. Поглощало все звуки и наполняло иными. Я слышала потусторонний смех, уханье совы, чавканье болота. Звуки были так близко, что я опустила взгляд, ожидая увидеть топь. Но мы шли по твердой земле. В другой раз я явственно ощутила прикосновение, дернулась в сторону, завертела головой. Но рядом никого не было, лишь белесая дымка. Туман играл с нами, показывая то, чего нет. Сводил с ума.

Варвар вел нас одному ему известной тропой. Порой хмарь становилась настолько густой, что я не видела даже своих ног. Я теряла ощущения собственного тела. Несколько раз мы останавливались, чтобы передохнуть, садились на землю, пили воду. И снова шли. Это длилось бесконечно. Я выбилась из сил и уже не верила, что когда-нибудь снова увижу небо. А потом вдруг все закончилось. Просто еще один шаг. И... марево расступилось. Плотная серая пелена осталась за спиной – высоченной и непроходимой стеной. А впереди...

Впереди зеленел фьорд. После долгого перехода ноги меня не держали, так что я опустилась прямо на мох и смотрела, смотрела, смотрела! Я никогда не видела ничего подобного. «Ты совершенно не романтическая особа, Мира», – говорил мне брат, и я кивала. Мне не досталось умения восторженно вздыхать над цветочками или непонятной мазней на картинах. Я ничего не понимала в искусстве, а глупой и бесполезной романтике предпочитала практичность. И было совершенно непонятно, почему от вида этого пейзажа комок подкатил к горлу и защипало в глазах. Изрезанный ломаной линией фьорд врезался в скалы. Он был наполнен серо-голубой водой, блестящей на закатном солнце. Закат? О Единый. Мы шли целый день. А может, не один? Кто знает этот Туман...

По обеим сторонам от меня высились горы, густо покрытые мхом и дикими травами. Воздух упоительно пах чем-то острым и соленым, хвойным и вкусным. Может, так пахнет северное море? Или это аромат исполинских сосен и кедров, ползущих по скалам и растопыривших на камнях длинные бугристые корни?

– Это... это... – выдохнула я, не в силах найти слов. – Невероятно...

– Хёггкар уже ждет, и скоро стемнеет, – поторопил варвар. – Так что не мешкайте.

– А вы? То есть... ты? – Я уже поняла, что на фьордах не принято выкать.

Ильх улыбнулся и почему-то посмотрел вверх, на зажигающиеся звезды.

– А я не жалую хёггкары. Как и все потомки Лагерхёгга. Не бойся, дева, ладья крепкая, через несколько дней будете в Нероальдафе. Я вывел вас в стороне от основной тропы сквозь Туман, Сверр-хёгг так велел. Сказал – дело тайное, Трув, лишние глаза нам не нужны.

– Сверр-хёгг невероятно мудр, – кивнул мой «муж». – Значит, этот хёггкар потащит хёгг?

– И без него доберетесь, – хмыкнул ильх. – Хорошая ладья, я же сказал. Нероальдафе недалеко, пара дней – и вы на месте.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого, совершенно не понимая, о чем речь.

– Солнце садится, поторопитесь. На этом спуске да во тьме можно и голову расшибить, – снисходительно усмехнулся варвар, и мой «муж» двинулся к обрыву.

Я тоже подошла и охнула. Спуск к воде оказался крутым. И никаких ступеней здесь, разумеется, не было! Да что ступеней, даже тропы!

– Не дрожи, дева! – видя мою растерянность, ободрил ильх. – Скала только с виду страшная, а на деле ласковая! Ты не мельтеши и под ноги смотри. Видишь корни? Хватайся, если покатишься.

– Хвататься за корни, угу. Ничего сложного. – Я ошалело глянула вниз. На воде, невообразимо далеко, покачивался на волнах удивительный корабль. На его высоко задранном деревянном носу скалилось какое-то чудовище, темные паруса опускались крыльями. Фигуры ильхов на борту казались со скалы совсем крошечными.

Ярко-рыжее солнце на краю фьорда вдруг ухнуло в воду и ушло сразу наполовину, расплескав багряные и золотые брызги. Фьорд вспыхнул, словно

объятый нестерпимым пламенем, и тут же погас, разливая по округе темную синеву. И это было так невыносимо прекрасно, что я застыла, не в силах отвести взгляд.

– Давай, давай двигайся. Наглядишься еще, Ельга, – добродушно проворчал ильх, исковеркав чужое имя. – Ночь уже рядом стоит.

Я обернулась на него, на миг испытыв сожаление, что ильх с нами дальше не пойдет. Почему-то рядом с варваром мне было почти спокойно... Но он снова кивнул на обрыв, поторапливая, и я начала спуск. Осторожно, молясь, чтобы нога не соскользнула на влажном мху, и я не полетела носом вперед до самого корабля. «Муж» молча двигался следом. Я окинула быстрым взглядом его фигуру, скрытую широким плащом. Тела не видно, но движения выдают истину. И говорят о том, что этот мужчина отлично подготовлен. Его мышцы хорошо тренированы, а чувству равновесия позавидую даже я.

Мой брат Алекс часто повторял, что из меня получился бы отличный тренер. И все благодаря умению с первого взгляда определять потенциал и возможности спортсмена.

Мужчина, скрывающийся под именем Брана Линдбурга, был одним из лучших. Он не испытывал от тяжелого спуска ни малейшего неудобства. Его дыхание ни разу не сбилось, а ноги безошибочно находили опору. Так делают опытные скалолазы.

Значит, я была права, понимая, что не смогу от него убежать перед Туманом. Догнал бы... Влегкую!

Заметив мое внимание, «муж» коротко хмыкнул. Так что я сочла за лучшее отвернуться и сосредоточиться на том, чтобы не свернуть себе на этой скале шею.

К счастью, несмотря на усталость, марево в голове и мои дрожащие ноги, до воды я добралась без приключений.

Вот только никакой полосы берега здесь не было. Скала просто ныряла в воду. Мы застыли на тесном выступе-карнизе, о который плескала вода. Фальшивый муж натянул повыше вязаный шарф, спрятав лицо почти наполовину. Я поежилась. Здесь, за Туманом, оказалось холоднее, чем в столице. Ветер, гуляющий вдоль фьорда, огладил щеки студеным воздухом. А ведь уже лето! Дома я успела покрасоваться в легких платьях, а здесь прохладно даже в шерстяном одеянии.

На миг сердце сдавило страхом. Дом... когда я его снова увижу?

Но я лишь мотнула головой и сжала зубы, запрещая себе унывать. Все будет хорошо, надо верить в лучшее. Да меня вообще можно назвать счастливницей, кому еще довелось увидеть таинственный мир за Туманом? Я даже с ильхом разговаривала, а сейчас еще и на местной ладье прокачусь! Алекс и Джет сойдут с ума от зависти, когда я обо всем этом расскажу! Конечно, с меня возьмут какую-нибудь подписку о неразглашении, но я ведь лишь своим, по секрету? Своим-то можно!

Глянула вверх, туда, где остался Трув. Но черноволосого великана уже не увидела. Интересно, как он будет отсюда выбираться? Здесь ведь лишь вода да Туман позади...

Вода плеснула в наш уступ, окатила подол моего платья. И рядом вдруг бесшумно скользнула узкая лодочка с высоким, будто завитым в крендель носом. Двое ильхов изнутри лодки протянули узкую доску, уложили ее на камень. Я с сомнением оглядела этот неустойчивый, пошатывающийся переход. Пройти по этой доске? Seriously?

– Поторопитесь, чужаки, – басовито окликнул один из прибывших. И почему-то с беспокойством глянул на воду – темную, непрозрачную.

Псевдо-Бран пробормотал что-то в свой шарф, закрывающий лицо, и первым прошел по доске в лодку. Ильхи глянули на него неодобрительно.

– Дева, теперь ты. Ну же, скорее! Да не мешкай, ну!

Я встала на доску. Ветер, словно только и ждал этого момента, налетел, играя, подхватил тяжелый подол и задрал его, оголил мои колени и бедра, завертел ткань вокруг тела. Доска качнулась из стороны в сторону. И внизу, в темной воде, что-то двинулось. Я застыла на доске – между скалой и лодкой. Взгляд прилип к мелко плещущейся волне, пытаюсь проникнуть под нее. Насколько здесь глубоко?

Очень. Ответ подсказали чутье и опыт. Подо мной была бесконечная толща воды. Целая бездна воды! И из этой бездны на меня кто-то смотрел. Внимательно, безотрывно.

Я дрогнула, едва не свалившись с шаткой переправы. Что за чушь лезет в голову, что за мысли? Возьми себя в руки, Мира! Да кто может смотреть из-под воды? Пучеглазые рыбы? Вот же нелепость!

– Не стой столбом, глупая дева! Живо лезь в лодку! – нервно, но почему-то едва слышно прикрикнул на меня ильх.

Ветер вдруг стих, спрятался в камнях. Влажный подол тяжело хлестнул меня по голым ногам. И я очнулась, двумя шагами преодолела доску, юркнула за низкие борта лодки и съежилась.

И что это на меня нашло? Что вообще со мной было? Или все дело в воде?

Ильхи между тем налегли на весла, и легкая лодочка резво понеслась по волне к хёггкару. Не выдержав, я притиснулась к бортику и снова посмотрела на темную воду. Тянуло прикоснуться. Опустить пальцы, тем более что лодка осела глубоко, и вода плескала совсем близко, почти у лица. Казалось, еще чуть – и перельется через край. Я даже протянула руку, но один из ильхов вдруг накинул на меня толстую медвежью шкуру, закрыл целиком, с головой.

– Тихо сиди, дева! – яростно прошипел он.

Его голос сквозь толщу меха казался глухим и испуганным. Я попыталась освободиться, но меня лишь прижали к корме. И кажется, накинули сверху еще что-то!

– Не высовывайся, кому сказано!

Да что здесь вообще происходит?!

От меха так резко и остро несло звериным духом, что я едва не задохнулась. Но сопротивляться сил не было, усталость взяла свое, и я застыла в углу.

К счастью, до хёггкара добрались быстро, и задохнуться я не успела. Зато успела целиком провоняться медвежьим – или кому там принадлежала жуткая шкура – духом. Страшенное зеленое платье, в которое меня облачили, радостно впитало мускусный запах, и я едва не застонала, ощутив этот непередаваемый «аромат». Варварство, ну какое же варварство! Стиснув зубы, я в очередной раз заставила себя успокоиться. Терпи, Мира. Ничего, все это ненадолго. Вот вернусь домой, вот расскажу все брату и Джету!

На борт хёггкара пришлось лезть по жесткой веревочной лестнице, но я преодолела подъем, не оборачиваясь. Бран легко спрыгнул на борт и тут же куда-то ушел, искоса глянув в мою сторону. А я осталась озираться по сторонам.

И что теперь делать?

Корабль-хёггкар сразу отошел от скал, и почти одновременно с этим солнце окончательно растаяло в море. Вода под палубой стала совершенно черной, словно мы плыли по густому дегтю. Ильхи бросились ставить паруса и натягивать какие-то канаты, так что я просто отошла подальше от бортов. На палубе тускло тлела лампа, но кажется, варварам столь скудного освещения вполне хватало.

Я же беспрестанно моргала, пытаюсь рассмотреть во мраке больше. Единый, неужели я и правда на фьордах? За Туманом? Невероятно... Но почему-то понимание этого уже не вызывало особых эмоций, видать, устала я удивляться. А вернее – просто устала. В животе заурчало, и я ощутила, сколь сильно проголодалась. Когда я ела последний раз? Утром, перед тем как отправиться в центр города, чтобы запустить в небо огненного фантома. Но когда было то утро? Вчера или много дней назад?

Увы, ответа я не знала. Как и не знала, все ли в порядке с Алексом и Джетом. Псевдо-Бран вполне мог меня обмануть.

Я снова потеряла сухие глаза и решительно сжала кулаки. Буду верить в лучшее. Я сделаю то, что от меня хотят, и вернусь домой. Так и будет! Понятно, что это какая-то секретная операция Конфедерации. Зачем-то им понадобилось проникнуть на фьорды. Зачем? Я помотала головой. Да какая мне разница. Меня совершенно не волнует политика, и я не хочу знать подробности. В моей жизни нет места всем этим интригам. Я просто хочу вернуться домой. Может, я даже стану гордиться тем, что помогла своей стране? Может, мне и вовсе вручат награду. Надо просто потерпеть.

А пока... пока неплохо бы найти хоть что-то съедобное.

Словно в ответ на мои мысли, с одной стороны подошел ильх, а с другой – мой проклятый «муж». В полумраке верхняя часть его лица выглядела неприятно опухшей, словно он хорошенько приложился о скалы, нижнюю по-прежнему скрывал грубый шарф. Бран ежился и сутулился, словно мерз на ветру, отчего ильхи поглядывали на чужака с толикой презрения. Сами варвары были одеты легко, многие даже без обуви. Видимо, их босые ноги и оголенные торсы не чувствовали зябкого ветра! У ильхов постарше я заметила бороды, заплетенные в косицы, так же они укладывали и длинные волосы. У молодых парней лица оказались гладковыбритыми, а волосы – короткими. Видать, не доросли еще эти ильхи до почетных бород. На нас – чужаков – варвары поглядывали с живым любопытством, но обходили стороной и вопросов не задавали. К счастью, потому что у меня не осталось сил на связное вранье. Все, что я сейчас могла – это тереть глаза да таращиться на прекрасно сложенные тела мореплавателей. Рельефными торсами меня не удивить, все же изрядная часть моей жизни проходила среди профессиональных спортсменов. Но варвары произвели впечатление даже на меня.

Вверху хлопнуло, затрепетало. Это раскрылся парус, и я увидела на темном полотне желтый рисунок – солнечный круг, а внутри извивающийся силуэт... Змей? Вот же странность! Но рассмотреть подробнее не успела, к нам приблизился пожилой ильх. Он был одет, как и большинство варваров на этом корабле, в штаны да безрукавку. Но еще на нем оказались сапоги и странный головной убор – часть рогатого звериного черепа, пришитая к кожаной шапке. На светлые косицы ильха спадали многочисленные веревки с вплетенными бусинами, косточками и чешуйками. Одна – узкая, жемчужно-перламутровая – покачивалась у самых губ капитана и ловила гладкими боками блики скудного света. Красивая вещица. Необычная.

На миг я задумалась, кому могла принадлежать такая чешуйка? Да она же размером с мою ладонь! Это что же за рыбина ее оставила?

Сам ильх был светловолосым и светлоглазым, как и все на этом корабле. И это тоже меня удивило. Может, они все здесь родственники? Иначе чем объяснить такую одинаковую масть? Правда, черты лица не слишком-то похожи... Еще одна странность!

Ильх протянул мне пару шкур – еще более вонючих, чем та, что была в лодке. И поставил на доски небольшую корзину.

– Давненько на моем хёггкаре не было пригожих дев, – косясь на меня, хмыкнул он.

И вроде сказал добродушно, но вот радости в его словах не было, скорее досада. Вероятно, на фьордах бытует гадкое предубеждение, мол, женщина на корабле – к беде! Вот же дикость. Но не объяснять же им про права женщин? У них тут, похоже, о правах вообще ничего не слышали.

Я недовольно насупилась, а ильх ткнул пальцем в сторону.

– Устроишься вон там, за бочками, дева. Мы везем в них просоленную сельдь, пахнет она, конечно, гадко... Но там тебе самое место, чужачка. Сиди тихо и не суйся к бортам.

– Почему? – не сдержалась я. Все ясно! Дева, да еще и чужачка – вон твое место, в самом вонючем углу!

Стало как-то по-детски обидно.

– Так вода потеплела, – сказал ильх, словно это что-то объясняло. Но так как я продолжала удивленно таращиться, пояснил: – Согрелись фьорды. Самое время для любви. Дети Ньордхёгга не любят эти воды, слишком близко Ёрмун. Это течение такое, злое течение. И сильное! Бьет о скалы и хёггкары, и хёггов. Попадешь в его белый плен – и все, молись Перворожденным. Живым уже не выберешься! Даже Ярла Кровавое Лезвие утащил Ёрмун, представляете? Хотя вот это, пожалуй, к лучшему... Ёрмун и во тьме видно – он словно разлитое

молоко. Не дай Хеллехёгг угодить в поток, утянет под скалы, разобьет – и костей не останется. Множество хёггкаров сгнули навечно из-за Белого Ёрмуна. Говорят, все дело в Саленгварде, течение рождается в его недрах, потому и губит каждого... Мертвое оно. Злое. Но уже к завтрашнему полудню мы обогнем вон ту гору и двинемся к Нероальдафе. А там вода уже чистая, а подводных хёггов – как карасей! Так что держись подальше от бортов, дева! И шкурой накройся. Завтра, может, и вовсе спущу тебя под доски да обложу тухлятинкой, так-то оно надежнее будет!

– А? – Это было все, что я смогла произнести. Вот удивительное дело! Вроде слова ильха я понимаю, но вот смысл того, о чем он говорит – ни капельки. При чем тут теплые воды, мертвое течение и караси? И как это все связано с тем, что я должна прикинуться вонючей селедкой? И зачем, забираи всех демоны, вдобавок обкладывать меня чем-то тухлым?

Я не желаю!

– Значит, Саленгвард рядом? – подался к ильху мой «муж».

– Примерно в сотне хвостов, – снова непонятно изъяснился ильх. – Не бойся, чужак, мы его обойдем, главное, не попасть в Ёрмун. А к утру будем во-о-он за той горой. За перевалом и Хребтом лежит непроходимый Бурый лес и Гараскон, только нам не туда, нам-то в Нероальдафе! Ничего, чужак, моя ладья и не такое выдерживала! Вот как-то попали мы между двумя потомками Ньордхёгга, и как раз в начале лета! И здоровые оба, бешенные! Начали они мою ладью таранить – играть, значит! Кто перетянет, значит! Эх, я рассердился! Раз хёгг, так что же – позволено на дно тащить? Не бывать тому! Велел я достать бочки со смолой...

– Во сколько твоя ладья пройдет рядом с Саленгвардом? – невежливо оборвал капитана корабля Бран.

Ильх обиженно поджал губы, и мне неожиданно стало стыдно за чужую грубость. Глянула на «муженька» укоризненно, но он вообще не смотрел в мою сторону и укором не проникся.

– Саленгвард – это... это какое-то поселение? – улыбнулась я, пытаюсь смягчить неловкость и представляя, как живут варвары. Пока я видела лишь бесконечные горы и воду. Вероятно, у жителей фьордов есть что-то вроде деревенок. Я

нарисовала в голове несколько домиков с соломенными крышами и пасущихся рядом коз. Интересно, на фьордах есть козы?

– Саленгвард – это позор для честных ильхов! – буркнул капитан хёггкара, непонятно чему разозлившись. – Все, некогда болтать с вами! Устройтесь там, а у меня и без того дел по горло!

И ушел, недовольно бурча что-то в светлую бороду.

– Спасибо за еду! – крикнула я ему в спину, но варвар не обернулся.

Решив вести себя послушно, я отошла за бочки и села на шкуру. Запах здесь и правда стоял мерзкий, и в другое время я даже не посмотрела бы в сторону еды, но усталость и голод на время изменили мои приоритеты. Морщась и стараясь не дышать носом, я заглянула в корзину. Внутри оказалась черная, запачканная углями лепешка и куски засушенной вместе с чешуей рыбы. В кожаном бурдюке – горячий хвойный чай.

Я поморщилась, рассматривая угощение. Выглядело оно довольно гадко. Но мне нужны силы, поэтому, стараясь не вдыхать запах рыбы, я сунула кусочек в рот, быстро прожевала и запила настоем.

Зато мой «муж» на корзину даже не посмотрел, отошел в сторону.

– Эй, ты есть будешь? – подумав, я все-таки решила его окликнуть. – Лучше поторопись, а то не достанется.

Бран обернулся. Его лицо на миг попало в тонкий луч светильника. И я удивилась. Мне кажется, или пухлые щеки несколько... сдулись? А лоб, кажется, стал выше...

Но рассмотреть я не смогла, мужчина отступил в тень.

– Решила поделиться со мной? – со странной интонацией произнес «муж». – С чего бы это?

– Это просто правила хорошего тона, – буркнула я. – Мы ведь делаем одно дело, так? Можно сказать, мы напарники.

Бран не ответил. Видимо, он так не считал.

Ну и демоны с ним! Я положила в рот еще хлеба и рыбы, прожевала.

– Может, скажешь, как тебя зовут? – негромко произнесла я.

– Бран. И лучше ешь молча, дорогая жена.

– Рядом никого нет, нас никто не слышит, – повела я рукой.

– Ты ничего не знаешь о фьордах. И судишь обо всем со своей человеческой точки зрения. Большая ошибка, дорогая супруга.

– А с какой еще можно судить? – не поняла я.

От еды тело налилось тяжестью и стало ватным. Горячий напиток в бурдюке оказался сладким, медовым и немного хмельным. Напившись, я отодвинула корзину, разложила шкуры и устроилась в их коконе, уже почти привыкнув к острому запаху.

Невыносимо потянуло в сон и, не сдержавшись, я широко зевнула. Хотелось закрыть глаза и просто уснуть, но пока псевдо-Бран рядом, надо попытаться узнать еще хоть что-то полезное.

– Значит, ты о фьордах осведомлен? Может, просветишь и любимую жену? Кто такие хёгги и почему их постоянно упоминают?

Но «муж» лишь качнул головой, оставаясь на своем месте. И даже сейчас я ощущала его собранность. Как... у спортсмена перед соревнованиями. Да, я узнавала это напряжение в мышцах, этот контроль дыхания... Похоже, мой лжесупруг, в отличие от меня, совсем не устал. Неужели, так и будет стоять возле борта до самого утра?

– Что ты хочешь там увидеть? – не удержалась я.

Со всех сторон были лишь темная вода и такие же темные скалы. Да еще светлые точки звезд, рассыпанные по черному полотну, словно пшено – часто-часто и мелко-мелко. А рядом тонкий и голубой, почти прозрачный серп месяца. Новолуние. Новая жизнь. Надо же, какое совпадение...

А больше ничего и не видно, одна лишь темень.

Я снова зевнула. Хёггкар шел плавно, мягко укачивая. Воды были спокойными. Что там говорил варвар о загадочном Нероальдафе? Это лучшее место на земле... Ну надо же... Скоро я увижу это место. Сама себе не верю...

На другом конце корабля затренькала струна незнакомого инструмента, и басовитый, но приятный голос ильха затянул песню. Я прислушалась сквозь подступающую дрему, пытаюсь разобрать слова. Но они казались такими же непонятными и чуждыми, как сами варвары. Вроде все то же самое, а совсем иное.

Совсем-совсем иное...

... Черный зверь Лагерхёгг рожден был от железа и камня, в яйце золотом. Сила его велика и в скалах, и в небе, отзываются ему буря и грозовое ненастье. Черный хёгг – властитель небес и гор, и зов его родит самых сильных воинов и выносливых дев.

Белый зверь Улехёгг родился от союза льда и сияния, в яйце алмазном. Глаза его видят сквозь толщу льда, отзываются ему хрусталь вершин, снега и ветра севера. От зова Улехёгга появляются люди, не боящиеся холода и плавящие стекло, что крепче алмаза...

Серый зверь Ньордхёгг вышел из пучины морской, и яйцо его там навеки осталось. Оттого водному хёггу легче жить в море. Хёгг этот вольный, и зов его слаб. Дети Ньордхёгга суше предпочитают свободные просторы водной глади...

Яйцо красного зверя Хеллехёгга треснуло в лаве и огне. Пробудился он злым и коварным, потому что жжет горящий уголь его шкуру от начала времен. И ярость этого зверя страшна так, что боятся ее люди от северного предела до южного острова. Ибо каждый ребенок фьордов знает: проснется красный зверь,

издаст рев, и придет смерть. Потому что отзывается на зов красного хёгга
Огненный Горлохум...

* * *

Белые стены и белый потолок. И голос позади меня, но теперь я знаю, кому он
принадлежит. Брану, моему лжемужу!

– Что делать с девушкой, когда мы пересечем Туман?

И другой голос – незнакомый, бесцветно-серый.

– Никаких свидетелей, Клейм.

Густое молчание, которое я ощущаю всей кожей.

– Приказ принят.

... Я открыла глаза и жадно втянула сырой соленый воздух. Странная песня
ильхов закончилась. Узкий серп месяца лишь немного отполз в сторону, значит,
спала я совсем недолго. Но этого хватило, чтобы... чтобы вспомнить!

Я застыла в коконе из звериных шкур, боясь пошевелиться. Видимо, после того
как мне сделали укол снотворного, я на краткий миг все же очнулась и
услышала слова незнакомцев. Их было двое. Один из них – это военный в серой
форме, которого я видела в кабинете. А второй... второй сейчас где-то рядом.
Второй – это человек в плаще и капюшоне. Тот, кого называли Клейм. Тот, кто
выдает себя за Брана Линдбурга.

И тот, кто вовсе не собирается возвращать меня домой. Он собирается...
собирается...

О Единый! Он собирается убить меня!

Паника накрыла штормовой волной, лишая мыслей, силы и голоса. Разум бился в
клетке страха, пытаюсь найти выход. Проклятие! Что мне делать? Что же мне

теперь делать? Я на корабле, на фьордах, среди незнакомцев! Я совершенно одна! И рядом со мной – убийца.

Зачем мы пересекли Туман? Что происходит? Что здесь надо этому псевдо-Брану?

И что теперь делать мне?

Вот же влипла!

Я резко открыла глаза и совсем близко увидела незнакомое лицо, которое больше не закрывал шарф. И знакомые глаза! Щеки Брана сдулись, усы исчезли. Лоб стал выше, а подбородок приобрел суровые твердые очертания. У нового Брана были тонкие, но четко очерченные губы, неровный от перелома нос и шрам-рубец на шее, превращенный в черную татуировку. Да, вот это новое лицо подходило гранитным глазам. Оно было создано для таких глаз. Было таким же острым и твердым. Таким же безжалостным.

Клейм... Кто-то говорил мне, что на языке финансистов этим словом обозначают требование о возмещении убытков. Устранение ошибки. Иск.

Поэтому так называют человека с холодными глазами? Потому что он устраняет чужие ошибки? Или его имя произошло от слова «клеймо»?

Бывший Бран смотрел прямо на меня и не двигался. Даже не моргал.

– Это была модификация, да? – прошептала я, осторожно отодвигаясь в сторону. Почти незаметно. – Я слышала о ней. Модификация изменяет тело. И внешность. Но эффект недолгий... Вот почему ты кутался в этот шарф... Знал, что лицо скоро изменится!

Я еще попятилась – задом, с трудом понимая, куда ползу. Куда? Вокруг лишь вода...

Клейм пошевелился, мягко потянулся. Неторопливо, размеренно.

– Ты что-то вспомнила, не так ли? – совершенно спокойно и даже как-то дружелюбно произнес он.

Меня от этого дружелюбия едва не перекосило.

Как он понял? Как? Я ведь ничего не сказала! Я только глаза открыла! Он что, мысли читает?

Я не ответила, продолжая незаметно отползать. Ну, мне казалось, что незаметно. Кинула быстрый взгляд по сторонам. Мне нужно оружие. Что-нибудь! Хотя бы палка!

Где же ильхи? Почему, когда надо, рядом никого нет? Может, закричать?

Но проклятый «Бран» окажется рядом через секунду. Или быстрее.

Мужчина вздохнул.

Я еще немного отползла, ощущая, как колотится мое сердце. И как неумолимо приближается конец... Он все понял, врать бессмысленно.

– Я вспомнила, – прошептала едва слышно. – Приказ... Тот человек в форме приказал, чтобы не было свидетелей... Приказал убить меня.

Ну же, скажи, что я сошла с ума, и мне все приснилось! Скажи – и я сделаю вид, что поверила. Дай мне еще хоть немного времени!

Но Клейм кивнул. Он просто кивнул, словно это ничего не значило.

– Плохое время и плохое место. Я же говорил. Ничего личного, Мира.

В его руке блеснул нож.

Нет, я не заорала. Я знала, что это бесполезно. Один лишь спуск со скалы показал мне, на что способен этот мужчина. Насколько он быстрый и сильный. Ильхи мне не помогут. Никто не поможет. Спортсмены умеют оценивать

противников. Я никогда не считала себя настоящей спортсменкой, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, на что способен этот человек. Или я все поняла в тот миг, когда заглянула в темные и острые глаза? Еще там, в самолете? Может, поэтому я даже не пыталась бежать? Чутьем понимала, что это бесполезно.

Меня не отпустят и не вернут домой.

Все бесполезно.

Кроме...

Не издав ни звука, я плавно спружинила ногами, когда Клейм оказался ближе, и со всей силы ударила его в живот. От неожиданности «муж» согнулся, но тут же бросился ко мне. Поздно. Краткой заминки мне хватило, чтобы оказаться у борта.

И прыгнуть вниз. Прямо в темные-темные воды фьорда.

Глава 4

Если бы я задумалась хоть на миг, то ни за что бы не прыгнула.

Но я не позволила себе задуматься.

В тот день, когда родители привели нас с Алексом в бассейн, чтобы научить плавать, все ждали от меня паники и слез. Думали, я испугаюсь воды, готовились успокаивать и убеждать. Некоторое время я и правда стояла на бортике. Стояла и смотрела в глубину – прозрачную и голубую, подсвеченную белыми лампами. Совсем не похожую на ту, другую... А потом я просто шагнула вниз. Алекс, вечный мой подражала, конечно, тут же сиганул следом. Так мы и стали жить – больше в воде, чем на суше. Только бассейны становились все больше и профессиональнее. Оказалось, у меня прекрасное чувство воды. И это удивительно, если учитывать мое первое близкое знакомство со стихией. Но плавала я действительно превосходно. Тренер говорил, что Единый лишь по

ошибке создал меня человеком, а не юркой серебристой рыбкой! Что плавать – мое предназначение. Что все профессиональные награды Алекса должны быть моими... Но я на эти слова лишь улыбалась. И никогда не участвовала в соревнованиях, сколько меня ни уговаривали.

Я не боялась воды в бассейне. Я свыклась с ней. В огромных бассейнах прогрессивных городов Конфедерации воду поддерживают умеренно-прохладной, а тела пловцов облачают в специальные костюмы из умного волокна. Они регулируют температуру, облегчают скольжение и посылают наблюдателям данные о пульсе и дыхании пловцов, чтобы вовремя отреагировать, если что-то пойдет не так.

Вот только здесь, в черной воде, ничего подобного не было. Ни умного костюма, ни людей, которые помогут, если мой пульс зашкалит. Здесь была только я – спасающаяся от убийцы. А еще – холодная вода и острые скалы, на которые я в любой момент могу напороться.

И паника почти стертых воспоминаний...

Тяжелая волна без всплеска сомкнулась над головой. Она оказалась слоистой, как пластилин в детской ладошке. Сверху – светлая, теплая. А дальше все темнее, плотнее и студенее. Фьорды отогрелись, сказал капитан. Фьорды, может, и отогрелись, а вот вода – ни капельки. Она была холодной и ужасно соленой!

На миг я едва не потеряла сознание от ужаса, тяжело задышала, забилась. Надо взять себя в руки! Немедленно! Сейчас есть опасность пострашнее воды!

Опасаясь, что мне вслед полетит нож, я нырнула как можно глубже и поплыла под водой, не позволяя себе подняться на поверхность. Гребок, толчок и скольжение, гребок-толчок-скольжение, и снова гребок! И еще один! Шерстяное платье камнем тянет на дно. Ботинки мешают, словно привязанные к ногам гири. В темной воде ничего не видно, а соль разъедает глаза. И легкие уже горят... но я упрямо плыву вперед. Еще, еще и еще! Здесь наградой служит не бесполезный позолоченный кубок, который можно поставить на полку в ряд таких же глупых достижений. Здесь награда – моя жизнь.

Гребок, гребок, гребок...

Четкие движения и контроль тела. Еще и еще...Ты сможешь, Мира! Сможешь!

Когда в груди закололо так, что, казалось, разорвет изнутри, я все же вынырнула – осторожно, без всплеска, – и осмотрелась. И возликовала! Оказывается, уплыла я довольно далеко. Хёггкар покачивался впереди, но к моему удивлению, никто не бегал по палубе с воплями: человек за бортом! Никто меня не искал и не пытался спасти! Значит, ильхи не заметили, как я упала.

Я перевела дыхание и попыталась избавиться от тяжелых ботинок. Какой там! Это не легкие кроссовки, которые можно скинуть одним движением. Ботинки казались привязанными к стопам гирями. Путаясь в дикарских веревках, я все же кое-как освободилась от обуви, следом скинула безрукавку. Хорошо бы стянуть и тяжелое платье, но тут я оказалась бессильна, завязки набухли в воде и запутались в нераздираемые узлы. Вот же мерзкий наряд!

Решив пока остаться как есть, я снова поплыла. Хёггкар шел вдоль скал. Я прикинула, что могу попытаться где-нибудь выбраться на берег. Главное – этот берег найти.

Надо просто плыть. А это я делала бесчисленное количество раз! Это я умею. Я смогу! Найду склон, на который можно забраться, вылезу! А потом доберусь да этого Нероальдафе. Там будет великан Трув и Сверр-хёгг, который его послал, и Андерс... Эриксон! Ну конечно! Андерс Эриксон – знаменитый путешественник и ученый, основатель фонда переселения на фьорды! Вот чьей сестрой меня представили! Видимо, от купания в холодной воде туман в моей голове растаял, и мыслить стало легче. Пазлы сошлись, и все стало понятно.

Единый, как же я так влипла!

Глаза щипало от соленой воды и слез, но я заставила себя сосредоточиться на гребках. Плыви, Мира, плыви. Просто плыви!

Надо добраться до этого проклятого Нероальдафе и найти Андерса Эриксона. Раз я понадобилась лже-Брану, чтобы выдать меня за сестру Эриксона, значит, сам Андерс ничего об этой афере не знает. Надо его найти! Он мне поможет. Вернет домой. Ну а потом... потом я отправлюсь прямиком к журналистам – и все

им расскажу! Про похищение, про попытку выдать меня за другого человека и убить. Все-все!

Я посмотрела на хёггкар и показала ему кулак.

– Вот тебе! Думал, я так просто сдамся? Да ни за что!

И вдруг на корабле вспыхнул свет. Несколько ярких огней озарили палубу и бегающих по ней ильхов. И я увидела, как на воду снова опускают лодку.

Погоня! Проклятый Клейм решил все-таки догнать беглянку!

Луч света – и откуда у варваров такой мощный источник? – вдруг скользнул по воде и выхватил меня из мрака.

– Она там! Вон она! Скорее!

Паника выбила воздух из моих легких. Задышавшись, я метнулась в сторону и едва не напоролась на острый пик скалы, торчащий из волн. Выдохнула, пытаюсь сдержать поток адреналина, бушующий в крови. Нельзя терять выдержку, нельзя бояться! Не тогда, когда вокруг холодные черные воды. Волна усилилась и ударила в скалы, таща меня на каменные лезвия. Я забила руками и ногами, словно новичок, словно неумелый малек!

Снова выдохнула, собирая волю в кулак. Плавать в холодной и соленой воде – совсем не то же самое, что в бассейне... и все же!

Собралась, беря панику под контроль. Со злостью рванула завязки платья, оборвала их и выбралась наконец из мокрой тяжелой ткани. Осталась лишь в легком тонком нижнем платье да белье. Быстро осмотрелась. Лодка приближалась с поразительной скоростью. Справа отвесная скала – не выбраться. И вода волнуется, бьет усиливающейся волной, словно злится!

Но ведь с водой можно договориться. Иногда – можно.

И я сделала то, что совершала каждый раз, входя в бассейн. Опустила губы к самой воде и произнесла:

– Помоги мне! Прошу тебя, помоги!

Еще один быстрый вдох. И я поднырнула под водяной валик, рыбкой скользнула на глубину. Дальше и дальше – прочь от преследователей. Наверху вспыхнул свет, луч пробился сквозь толщу воды. И там, внизу, я увидела... Что это было? Извивающееся, длинное? Или почудилось? Может, какое-то подводное растение?

Снова сомкнулась тьма. Я осторожно вынырнула – едва-едва, на один вздох. Лишь чтобы глотнуть воздуха и понять, где лодка с демоном Клеймом!

Увы, преследователи были не так далеко, как мне хотелось. Клейм, стоя в лодке, держал пузатую лампу и нервно оглядывался. Рядом топтался капитан хёггкара.

– Неужто утопла дева? – донес ветер его голос.

– Нет, – резко и уверенно ответил «Бран». – Она где-то рядом. Смотрите внимательно!

И словно сам демон ему подсказал, повернулся прямо в мою сторону. Поднял лампу повыше, освещая тьму. Я погрузилась в воду, с отчаянием понимая, что попала в ловушку. Позади острые скалы, впереди лодка. Где спрятаться?

Негде.

– Ищите ее! – рявкнул на лодке Клейм. – Она рядом. Я знаю! Зажгите еще лампы. Быстро!

Вот же демон проклятый!

Понимая, что болтаться в холодной воде без движения тоже опасно, я сделала осторожный гребок и поплыла к скалам. Попробую укрыться за ними, другого выхода все равно нет. Я плыла, пытаюсь оставаться максимально глубоко в воде и поднимая голову лишь для очередного вдоха. Гора, поросшая колючими кустарниками и мхом, уже недалеко. Я смогу. Смогу...

– Вон она! Туда!

– Да чтоб ты провалился, – с отчаянием выдохнула я.

И поплыла быстрее, делая сильные резкие взмахи, отталкиваясь от черной воды всем своим телом. Быстрее! Еще быстрее!

– Греби к ней! Ну же! Ельга! Ельга!

И тут моей ноги что-то коснулось. Под водой. Что-то живое. Длинное. Извивающееся. Змея?!

От ужаса я сбилась с ритма и захлебнулась. Вода вокруг меня вспучилась, забурлила водоворотом. Меня швырнуло куда-то в сторону, я отчаянно забарахталась. А когда вынырнула, то едва не лишилась чувств! Из черной воды фьорда поднималось что-то невообразимое. Не веря своим глазам, не веря вообще в то, что происходит, я вытаращилась на чудовище, нависающее над волной. На огромного морского змея! В свете хёггкара и фонарей с лодки его чешуя отливала темной синевой сверху и светлела на брюхе. По бокам топорщились три пары широких плавников, а вдоль хребта торчали костяные резные наросты. Голову венчали загнутые и ребристые белые рога. И это чудовище было просто гигантским! Невероятным! Чудовищным! Единый, да оно могло бы перекусить меня пополам и не подавиться! Сожрать целиком! Так вот чью чешуйку носит возле лица капитан хёггкара. Жуткого монстра, живущего в водах фьорда!

– Хёгг! – закричали на лодке. – Хёгг!

Хёгг. Змей. Или дракон. Чудовище фьордов. Значит, все, что говорили о мире за Туманом, правда? Здесь действительно обитают монстры...

– Мира! – выкрикнул вдруг Клейм мое настоящее имя.

Морской змей яростно зашипел и, резко нырнув, ушел под воду. Но уже через миг вынырнул – с другой стороны лодки! И ударил хвостом по суденышку. С такой силой, что лодка забилась, будто в припадке. Ильхи что-то орали, пытались удержать посудину на воде. Но змей словно взбесился. И ударил снова. Люди горохом посыпались в воду, а змей яростно обвинил лодку хвостом, протащил и швырнул на пики скал. Разбивая в щепки!

Вода вокруг гигантского змея закрутилась смертельной воронкой. Я уже ничего не понимала, меня швыряло из стороны в сторону, словно я тоже была щепкой. И все, что я могла – это пытаться не утонуть и не напороться на скалы.

Очередная волна накрыла меня с головой, перевернула, потянула в сторону. Я открыла глаза и вдруг увидела, что вокруг все белое-белое. Словно я попала в молочную реку. Ёрмун. Течение, которое убивает!

Вскрикнув, я забилась, пытаюсь удержаться, выбраться. Но какой там! Бороться с мощью потока оказалось невозможно. Течение тянуло меня, все ускоряясь и ускоряясь. Било, швыряло, стискивало в своих белых объятиях. Я колотила по воде, я сражалась! И с ужасом неотвратимости понимала, что выбиваюсь из сил. Что я почти побеждена! Захлебываясь соленой водой, я ушла в глубину, пытаюсь поднырнуть под течение, вырваться из его плена. И совсем близко увидела жуткую змеиную морду. Огромную. С открытыми глазами и вертикальными зрачками. На неообразимый и бесконечный миг мы зависли в этой белой воде, рассматривая друг друга. Я и водяной дракон.

Это было уже слишком.

Мое дыхание закончилось.

А потом змей дернул плавниками и мордой вытолкнул меня на поверхность. Я вылетела пробкой, а приземлилась точнехонько на змеиную шею. Как раз между головой и костяными шипами. И не успела я от ужаса стиснуть пальцы, вцепляясь в загнутые рога, как хёгг рванул в сторону, рассекая воды фьорда с невероятной, невероятной скоростью. Он несся изо всех сил, пытаюсь вырваться из губительных объятий Белого Ёрмуна.

Глава 5

– Надо найти девушку, – хмуро повторил тот, кого называли Клейм. Настоящее имя этого мужчины так давно не произносили человеческие губы, что имя растворилось в небытие, словно его никогда и не было.

Даже сам Клейм почти не помнил это имя.

Стоя на палубе хёггкара и глядя на воды фьорда, он снова повторил:

– Надо ее найти!

– Некого уже искать, – хмуро буркнул рядом капитан. Подергал свои косицы, коснулся губами чешуйки со шкуры морского дракона. – Ты же видел, чужак, их обоих забрал Белый Ёрмун. И хёгга, и деву. Мне жаль.

– Они могли выжить, – упрямо произнес конфедерат, не отрывая взгляда от безмятежной и такой мирной на вид воды. Глядя сейчас на скалы и стекающие по мху тонкие водопады, кто бы поверил, какие опасности таит фьорд?

– Никто не выжил, а чужачка-дева – сумеет? – недоверчиво хмыкнул ильх. – Ты уж прости, но как девчонке побороть силу течения? Я же тебе говорю – оно и хёггкары утаскивает! Огромные, с двадцатью парами гребцов и морским хёггом под килем! Утащит и все – никто никогда их больше не увидит! Мертвое течение. Злое! Хвала Перворожденным, что моя ладья в стороне стояла, а то и нас бы утянуло! Вот же беда какая... Держись, чужак. На все воля незримого мира и Перворожденных... Эх, что же я Сверр-хёггу теперь скажу? Не углядел, не уберег деву! Как оправдаюсь перед риаром? Как в глаза посмотрю? Вот же беда так беда...

Ильх еще что-то говорил, пытаюсь утешить скорбящего вдовца, в первую же ночь на фьордах потерявшего жену.

Клейм молчал и смотрел на волны. Остальные ильхи после купания в воде благополучно добрались до хёггкара и даже сумели вытащить изрядно побитую лодку. Но девушка и подводный змей сгинули в течении, которое белой лентой извивалось вдоль фьорда. Клейм видел, как Мира тонула. Он пытался добраться до нее, но его откинул змеиный хвост. Да с такой силой, что по телу сейчас разливался фиолетовый синяк, а уже срастающиеся ребра болели при каждом вздохе. А потом оба – и Мира, и проклятый змей – исчезли в белой пучине.

Погибли?

Ильхи утверждают, что иного варианта и быть не может.

Чужак сжал край гладкого борта, сдавил с такой силой, что пальцы хрустнули. Или это борт? Хёггкар кружил вдоль скал уже почти сутки, но девушку – или ее тело – так и не обнаружили. И сообщив, что это бесполезно – никто не выживает после битвы со злым течением, – капитан отдал приказ поворачивать в сторону Нероальдафе. Клейм еще раз посмотрел на воды и отвернулся. Заставил себя отвернуться. Внутри него бушевали чувства, которым он не знал названия. Которые давно забыл.

Что это было? Сожаление?

Только не у него.

Прищурившись, он глянул в сторону капитана хёггкара.

И что теперь? В Нероальдафе ему точно делать нечего... Снова оглянулся на безмятежные воды. Усмехнулся. Неужели не врут? Проклятые фьорды и правда будили в душе что-то ненужное. Или просто – будили душу?

Ерунда какая-то.

Выругавшись сквозь зубы, Клейм отвернулся.

Ему еще предстояло убедить капитана двинуться в сторону от Нероальдафе и доставить чужака туда, где начинался Заповедный лес. Пожалуй, он начнет с поиска вёльды.

* * *

Я потеряла счет времени. Я не знаю, сколько часов, дней или лет мы провели, сражаясь с течением. Или пытаюсь просто выжить. Все, что я могла – это изо всех сил держаться за ребристые рога морского змея. Понимая, что он – моя единственная надежда на спасение! Потому что будь я даже лучшим пловцом на всей земле, это не помогло бы мне преодолеть Ёрмун. Силы человеческого тела просто не хватит, чтобы сопротивляться мощи стихии.

Даже огромный змей едва мог преодолеть поток. Хёгг тащил нас обоих, кувыркаясь в волнах и бился о скалы. И все это длилось бесконечно! А потом он куда-то нырнул – в очередной раз. Я снова попыталась сохранить дыхание и сознание, а когда легкие едва не разорвались без воздуха, хёгг вынырнул и... остановился. Некоторое время я просто лежала, пока еще не понимая, что все закончилось. Потом очень медленно подняла голову и открыла глаза, которые нещадно щипало от соли. Приподнялась, благоразумно не выпуская из рук спасительный рог. Где это я? Открытое пространство фьорда куда-то исчезло. Скалы и небо – тоже. Мой спаситель, растопырив все плавники, беспомощно покачивался на неподвижной воде. Мы выплыли в каком-то гроте с озером! Камень потолка и стен местами оказался дырявым, словно сыр, и сквозь круглые «окошки» просачивался свет зарождающегося дня. Рассвет! Неужели уже рассвет?

Весь грот окутывал пар, мягкая дымка поднималась от воды к потолку.

Мелкая волна лизнула мои босые ноги, и я с изумлением ощутила, что она теплая. Значительно теплее, чем во фьорде! Верно, в глубине этого подземного озера бил горячий источник, согревающий воду и камни. И еще эта вода была пресной!

Теперь понятно, почему морской змей заполз на мелководье, распластался и закрыл глаза! Или он просто сдох от усталости? Кажется, не дышит!

Я попыталась отпустить рог, который все еще держала. Я так крепко в него вцепилась, что казалось, рука навсегда останется вмурованной в ребристую кость морского змея. От попыток отлепиться пальцы свело болезненной судорогой. Сил двигаться у меня не было. Совсем. Даже чтобы сползти со змеиной чешуи и добраться до суши. Поэтому мы так и болтались в воде –дохлый змей и почти дохлая я. Мое озябшее тело охватило долгожданное тепло, а гудящие мышцы наконец расслабились. Я вытянулась на своем спасителе и закрыла глаза. Вот полежу так пару минут, отдохну и выберусь из воды. Узнаю, есть ли что-нибудь за стенами этой пещеры. Надеюсь, поблизости меня не ждет голодный змеиный выводок, предвкушающий вкусный завтрак в виде обессиленной девы!

Но даже такие кровожадные мысли уже как-то не пугали. Если мне удалось выжить в битве с губительным течением, то уж со змеиными детенышами я как-нибудь справлюсь.

От камней грота шел горячий и сухой жар. Пахло чем-то хвойным и горьковатым. Может, мхом или каким-то лишайником. От блаженного ощущения тепла по телу побежали мурашки. Хотелось лежать так вечность и даже плавники растопырить, как сделал змей! Ну то есть руки-ноги...

Усталость накатила ласковым забвением, легкой дремой на грани с реальностью. Еще лишь пару минут...

Нет, надо вставать. Надо выбраться на берег. Надо...

Я потянулась, не открывая глаз. Тугое длинное тело подо мной тоже потянулось и задвигалось. Ого, значит, змей не сдох? И начал... меняться? Эй, что происходит? Верно, я все-таки отключилась и мне снится невероятный сон. Чем еще объяснить то, что под моими руками чешуя плыла и таяла, а потом и вовсе исчезла. И тут змей перевернулся, как-то отвердел, и я оказалась лежащей на мужчине!

Моргнув, я уставилась в лицо незнакомца, который меня обнимал.

– Какого демона? – совершенно ничего не понимая, пробормотала я, и мужчина слегка улыбнулся.

Это все было настолько странным, а я настолько устала, что происходящее даже не вызвало у меня страха. Похоже, я действительно сплю. Или упала в обморок от усталости?

– Ты кто? – выдохнула я.

Мужчина насмешливо улыбнулся.

– Красивая, – сказал он. – Вся красивая. Не только ножки.

Не только ножки? Это когда он успел их рассмотреть?

И тут я вспомнила, как стояла на доске, и мне почудился взгляд из-под воды.

Но... как это вообще возможно? Все это какой-то бред!

Я уперлась ладонями в обнаженную грудь мужчины и приподнялась. Надо ведь иметь представление о размерах моего бреда? Размеры были впечатляющими.

Первая моя мысль – он наверняка хороший пловец. Вон какие рельефные плечи, какие сильные руки, какие жесткие пластины мышц на груди и животе. И еще с первого взгляда становилось ясно, что передо мной – ильх. Что-то в нем было необъяснимо иным. Может, нечеловеческая сила и гибкость? Было ясно, что его тело – это результат борьбы за выживание, а не тренировок за какой-то там позолоченный кубок. Его тело создано не ради бахвальства или награды, что пылится на полке. Его тело – оружие. Быстрое, гибкое и совершенное.

А может, все дело было во взгляде? Жарком и в то же время немного насмешливым?

Так, о взглядах я пока думать не буду. Что еще?

Еще варвар высокий. И даже в таком положении значительно крупнее меня. Я снова моргнула, сосредотачиваясь. Нет, ильх не такой здоровяк, как Трув, что встретил нас у Тумана. Этот скорее – худой, без грамма лишнего веса, поджарый и гибкий.

На загорелой коже груди, в которую сейчас упираются мои ладони – никакой растительности, лишь внизу живота виднеется полоска светлых волос. Никакой одежды, конечно же, нет. У крепких бедер плещется вода. Я резко подняла голову. Черты лица у варвара были резкими, а длинные, заплетенные в косицы волосы – светлыми, с пепельным оттенком. В воде они казались темнее, но у шеи топорщились почти белые пряди, что выделялись на фоне загорелой кожи. Оба виска выбриты, а левый глаз и щеку пересекают три широкие черные линии. Одна вертикальная тянулась через все лицо, ото лба до подбородка. Две другие отходили от нее углами под глазом, составляя странный и почему-то пугающий знак. Когда я уставилась на эти жутковатые черные линии, во взгляде ильха что-то мелькнуло, а сами глаза угрожающе сузились. На миг показалось, что он сбросит меня в воду, оттолкнет. Или сделает что-то гораздо хуже... Но длилось это лишь миг. Он снова расслабился и даже почти улыбнулся, позволяя на себя смотреть. Правда, и дальше таращиться на черный символ я не стала, переключилась на все остальное. Лицо у варвара узкое, подбородок твердый. Я

бы даже назвала его красивым, если бы не странный рисунок, который все портил. Брови у ильха темнее, чем волосы, прямые и тяжелые, нависают над яркими глазами. На миг я задумалась, что мне напоминает их цвет. И поняла. Такой же была вода во фьорде, когда я смотрела на него сверху. Холодное серо-зеленое северное море. Эти глаза напоминали о мхах на скалах и о ледяной глубине. О чешуе змея, живущего в ней...

Скулы у варвара четко очерченные, нос прямой. Бороды и усов нет, лишь колкая светлая щетина. И красивая линия губ. Сейчас эти губы улыбались, пока мужчина с интересом наблюдал за сменой эмоций на моем лице.

Где-то в процессе изучения незнакомца я все-таки догадалась, что он живой и даже вполне реальный. И что он тоже изучает мое лицо и тело. Лицо – взглядом, а тело – осторожными поглаживаниями вдоль спины!

На его шее темнел узкий обруч, а на предплечьях поблескивали широкие железные браслеты с замысловатым орнаментом. И эти непривычные глазу украшения тоже немного пугали.

– Ты кто? – снова брякнула я с перепугу. – И почему ты без одежды?

Мужчина приподнял светлые брови, словно вопрос показался ему забавным.

– Снял, когда решил поплескаться во фьорде, – насмешливо пояснил ильх и снова провел ладонью по моей спине. И снова. – Знаешь, я бы предпочел сначала выспаться и выпить пару кубков хмеля, но если ты настаиваешь... можешь отдать свой долг прямо сейчас, лильган.

А?

Я моргнула, пытаюсь выловить из слов ильха ускользающий смысл. Да что с этими фьордами не так? О чем они все говорят? Я же понимаю его речь! Тягучую, с новыми для моего слуха хрипловатыми интонациями и резкими согласными. Понимаю, но... Но вот совершенно ничего не понимаю! О чем он толкует?

Снова моргнула, пока ильх терпеливо ждал.

Потрясла головой.

И вдруг осознала главное. Морского змея в гроте не было. Он исчез. Зато появился этот незнакомец, как и я, сплошь покрытый ссадинами и синяками. Под его насмешливой улыбкой таилась дикая усталость, как у чемпиона, который целиком выложился в тяжелом соревновании и теперь улыбается, стоя на пьедестале. И умирает от желания просто лечь и закрыть глаза. Лоскутами фраз и образов промелькнуло все, что твердили в столице Конфедерации о фьордах, и все, что увидела я сама. Чудовища... драконы... монстры, населяющие мир за Туманом. Иные.

Хёгги.

Те, кого здесь почитают. Те, кого боятся и кому поклоняются. Нет, не звери. Люди с кольцом на шее.

Такой же матовый обруч был у Трува. И у того варвара, который стал для конфедератов олицетворением мира за Туманом – Сверра.

Они все не совсем люди. Они драконы! Как и светловолосый ильх, который сейчас смотрит на меня, лежа на горячих камнях!

– Вот же демоны... Ты – хёгг! – все еще не веря в свою догадку, почти выкрикнула я.

– Ну да, – с удивлением протянул он. Словно говоря: конечно, хёгг, кем же еще я могу быть, глупая чужачка? Хёгг и есть.

И пока я хлопала глазами, погладил мои плечи, потянул за волосы. В мужском голосе появилась легкая хрипотца.

– Я – хёгг. А ты – дева. И давай лучше под скалу, мне там больше нравится. Не бойся глубины, я удержу. Нас обоих.

Легко перевернулся и одним плавным движением утянул меня дальше от мелководья, туда, где теплый берег резко оборвался, а вода стала темной и бесконечной.

– Вот так... поплаваешь со мной, дева?.. – прошептал ильх, не выпуская меня из рук, окружая собой, трогая волосы, плечи, грудь, скрытую бельем и льняной сорочкой. И с каждым движением менялись глаза ильха, словно внутри радужек тоже текла вода...

А я зависла – ошеломленная до глубины всей своей сущности. До самого нутра. Едва не рыдающая от потрясения. Не верящая, что это вообще возможно. Как? Как это возможно?

– Нравится? – шепнул варвар, касаясь губами моей шеи.

Нравится? Да я сейчас с ума сойду!

Я никогда не видела, чтобы человек ТАК двигался в воде! Так, как никогда не смогу я, хоть сколько часов проведу на тренировках! Ильх перемещался, словно был неотъемлемой частью стихии. Словно она держала его в своих объятиях, баюкая на ладонях, как самое дорогое. Словно он был ее любимцем. Был... морским змеем!

Я могла бы вечность смотреть на это.

– Хочешь услышать мой Зов, дева?

Я снова зависла, пытаюсь понять, почему это предложение звучит так... многозначительно? С явным подтекстом? И что вообще оно значит? Почему я должна этого хотеть?

Нет, все-таки я ничего не понимаю в этих диких фьордах!

В ярких глазах ильха серого сумрака стало больше, чем зелени. И в голову против воли пришли сравнения: зарождающийся над фьордами шторм... темная глубина... пока еще ласковая волна, способная измениться в один миг и утянуть на самое дно.

Странное оцепенение охватило мое тело. И на миг показалось, что это самое верное, что можно сделать. Быть здесь, с этим светловолосым варваром. В этой темной и теплой пещере, со дна которой поднимаются пузырьки воздуха и

щекочут мне пятки. Впитывать эту удивительную невесомость и легкие – пока еще легкие – прикосновения.

Ильх снова провел рукой по моей спине и подтянул ближе, вынуждая обхватить его плечи. Его рука скользнула на мой затылок. И лицо варвара оказалось близко-близко. Он уже не улыбался. Совсем нет. В удивительных глазах возникло что-то иное, не сочетающееся с весельем.

Я словно опять увидела морского змея – хищного, гибкого, нечеловечески сильного. Серо-зеленые радужки потемнели, но зрачки не расширились, как у людей, а напротив – сузились. Ильх приподнял меня и коснулся губами шеи. Влажное и теплое прикосновение отозвалось внутри сладкой ноющей болью. Мягкое движение – и губы сместились ниже, на ключицы. Обхватив меня за бедра, он снова приподнял и лизнул наверх груди. Прямо поверх мокрой ткани. Ощущение оказалось таким острым, что я едва не застонала.

Мои бедра коснулись его бедер. И ильх что-то прошипел сквозь зубы.

– Кьяли... – хриловато выдохнул он.

Мурлыкающее непонятное слово раскатилось внутри игристым вином.

Но тут варвар прижался ко мне всем телом, давая ощутить свои твердые намерения. И я наконец очнулась. Это что тут вообще происходит? Это что за ерунда лезет в голову? Почему я все это... позволяю? И самое главное, почему мне все это так нравится?

– Нет. Отпусти!

Мой голос предательски дрогнул.

А он снова прикоснулся к моей шее губами. Ласка стала жарче и слаще. Вот же демон!

Я дернулась в сторону. В глазах ильха теплые и ласковые волны сменились тьмой. словно море перед бурей... И это отрезвило меня лучше любых слов и действий.

Мое тело отреагировало помимо моей воли. Левая рука скользнула по бедру варвара и обхватила рукоять узкого стилета, привязанного к его ноге. Правая мягко обвила мужскую шею. Одним движением я выхватила оружие и приставила его к груди наглеца!

Вернее – попыталась. Потому что ильх по-змеиному скользко вывернулся, каким-то невероятным образом переместился в сторону, и вот – стилет уже прижат к моему горлу! А я – спиной к груди ильха.

Я ойкнула от изумления и неожиданности. Как он это сделал? Как? А потом замерла от страха. Ну все, допрыгалась, Мира...

– Ты что, совсем дурная? – удивленно и совершенно беззлобно поинтересовался ильх. – Пытаться прирезать морского хёгга в его же стихии – это ж надо совсем не иметь в голове разума!

– Пусти! – Я дернулась и забила ногами, но ильх даже не шелохнулся. Да проще сражаться со злым Ёрмуном!

– Ты ведешь себя странно, кьяли-лильган, – негромко произнес он. – Ударилась головой о скалы, пока я тащил тебя?

– Ударилась, ударилась! Несколько раз! – торопливо буркнула я, поняв, что вырваться из хватки варвара просто невозможно. Он несравнимо сильнее меня. Демоны! Да я никогда не встречала настолько сильного человека! – Слушай, ты все неправильно понял! Не хочу я с тобой... ну... плавать!

– Почему это?

Ильх развернул меня к себе лицом. В зеленых глазах плескалось явное непонимание.

– Тебе плохо? Тело болит? Верно, и правда ударилась... Ну что же. Не сейчас, значит, – протянул он. – Может, и к лучшему, все же Ёрмун хорошо помотал и меня... Завтра. Поплаваем с тобой завтра.

И он разжал руки, отпуская меня. Я оттолкнулась в воде и пулей вылетела на берег. Осмотрелась торопливо. Сквозь дыры-окошки виднелись деревья и краешек светлеющего неба, а больше ничего и не разобрать. Окинула быстрым взглядом свое тело. На руках – синяки, на ногах длинные царапины-ссадины. Хорошо хоть соль смыта пресной водой, а то было бы совсем плохо. Сидеть на чешуе морского гада – это примерно то же самое, что скакать на лошади, обтянутой наждачкой! То еще удовольствие!

И куда мне бежать в таком виде? И надо ли вообще – бежать? Агрессивным ильх не выглядит, к тому же сам меня отпустил. Решив, что с бестолковым побегом пока повременю, я оглянулась.

Варвар выходил из воды неспешно, не спуская с меня внимательного взгляда.

Я сделала шаг в сторону. Преследовать меня мужчина, кажется, не собирался, да и вообще выглядел скорее удивленным, чем рассерженным.

Он вздохнул и поморщился, тронул бок, на котором разливалась синева от ушиба. Я резко отвернулась, потому что варвар был без одежды. Но все же не смогла удержаться и снова глянула в его сторону, пытаюсь делать это незаметно. Впрочем, на меня ильх уже не смотрел. Он пошел к сундуку возле стены, который я поначалу и не заметила. Движения ильха были скупыми, осторожными. Болезненными. И еще он заметно прихрамывал. И это было застарелое, привычное движение. Человек, который в воде двигался как морской бог, на суше заметно подволакивал ногу.

Кажется, мое любопытство он все же заметил, и лицо ильха вмиг стало замкнутым и отстраненным.

Он повернулся ко мне спиной, и я не сдержала невольного возгласа. Спина и бока ильха представляли собой жуткое зрелище – кожа местами содрана, местами изрезана до мяса, и все – от шеи до бедер – в огромных и уже черных кровоподтеках! А ведь я прекрасно помню, как швыряла нас волна, вот только все удары принял на себя морской змей. Демоны! И с такими побоями он еще собирался предаваться каким-то... развлечениям? Вот же ненормальный! Да ему нужен вагон обезболивающего, постельный режим и пару недель вообще не шевелиться!

Но сам ильх, видимо, считал иначе. То, что этот мужчина и есть морской змей – по-прежнему плохо укладывалось в моей голове. Но пока я не видела других вариантов. К тому же интуиция – иррациональная и забытая часть моего существа – подсказывала, что это именно так.

Снова что-то прошипев сквозь зубы, варвар достал синий шерстяной плащ с меховой подкладкой. Повертел в руках, глянул на меня через плечо и положил плащ на крышку сундука.

– Возьми, дева. Тебе надо согреться.

Я не стала привередничать и шустро завернулась в теплую и сухую ткань.

Варвар тем временем натянул простые штаны, тунику без рукавов, широкий пояс. Ошарашенная и ошалевшая, я смотрела, как ильх одевается, а потом подходит ко мне.

– Занятно... волосы у тебя темные, как у детей Лагерхёгга, а глаза – подарок снежных вершин. И плаваешь ты так, словно рождена от Зова самого Ньордхёгга. Откуда ты, дева?

Ответить я не успела. За сундуком отлетела бычья шкура, прикрывающая вход, и в грот всунулось юное чумазое лицо. И тут же заглянувший мальчишка заорал куда-то в сторону:

– Эй, там! Шторм вернулся! Живой! Я же говорил! Эйтри, ты снова проиграл! Живой наш Шторм-хёгг! Целехонький!

Вслед за орущим мальчишкой в грот ввалились мужчины. Все рослые, сильные, дикие. В отличие от моего спасителя, некоторые из них были темноволосыми и черноглазыми, со смуглыми бородатыми лицами. У многих – выбриты виски. И у всех на лицах темнеют какие-то непонятные знаки – у кого волнистые линии, у кого круги или даже грубоватые странные изображения. Порой эти черно-багровые символы даже спускались на шею. Мне удалось рассмотреть рисунок, напоминающий рыбу, другой смахивал на оружие или полумесяц. А присмотревшись, я вдруг поняла, что все эти знаки буквально выжжены на коже! Мечтающая о фьордах подруга как-то рассказала мне, что за Туманом приняты две формы письменности – схожая с нашей, буквенная, и древняя,

руническая. Похоже, что я видела как раз второй вариант. Но ничего подобного я не заметила на Труве или моряках хёггара, что вез нас в Нероальдафе. Может, украшать себя подобными рисунками – это какая-то местная традиция?

В этом гроте-пещере лишь у меня и мальчишки не было на лице никаких черных или красных знаков. Хотя за мальчишку я бы не поручилась, уж очень паренек оказался чумазым. Темноволосый и темноглазый, он напоминал уголек.

От бритых висков, блестящих зубов и глаз, косматых нечесаных голов, звериных шкур и браслетов на предплечьях у меня зарябило в глазах. В одежде варваров царил полный хаос и неразбериха – на одних красовался бархат, на других – грубое сукно. На третьих и то и другое разом. А еще – мех, костяные ожерелья, у одного на голове и вовсе был звериный череп. Он полностью закрывал лицо и пугал массивными рогами. Ужас! Но всех объединяло одно – ильхи были вооружены. Все, кроме моего спасителя. У каждого варвара блестел на боку широкий нож, а то и парочка, топор или жуткий загнутый клинок, напоминающий серп.

Я попятилась от неожиданности и легкой паники. Все-таки оказаться наедине с толпой вооруженных дикарей – не самое радостное событие.

– Шторм! – вскричал один из мужчин. – Ты вернулся! Стражи моря говорят, что Белый Ёрмун этой ночью позеленел от злости и утащил на дно хёггкар! А кто-то кричал, что он ухватил за хвост и самого Шторма! Ухватил и разбил о скалы, так что и чешуи не осталось!

Мой светловолосый спаситель легко рассмеялся. Его ссадины и фиолетовые синяки скрыла одежда, и сейчас ничто не говорило о том, что он едва стоит на ногах. Ильх выглядел довольным и даже расслабленным.

– Подавится! Ухватить мой хвост не под силу даже Ёрмуну, Торферд Коряга! Так что зря ты, Эйтри, снова поставил на мою смерть. Не сегодня.

Он легко рассмеялся, остальные подхватили.

Отошел – и ильхи увидели меня, завернутую в плащ. Но особого удивления не выказали. Скорее на их лицах возникло понимание. словно не впервой в этом гроте оказываться полуголым девицам, прикрытым чужим плащом!

– Ого, да у нас тут гостья, – с насмешкой сказал тот, кого называли Торфердом Корягой.

Я нервно сглотнула при виде этого громилы. В жизни не встречала таких великанов! Да он выше меня в два раза, а я всегда считалась высокой. Это был рослый, грубоватый на вид мужчина, с тяжелым топором за спиной. У него единственного виски оказались не сбиты, напротив, ильх радовал густой черной растительностью, больше похожей на шерсть, чем на человеческие волосы. По правде, Торферд сильно смахивал на говорящего медведя. Лишь глаза – карие и веселые – сглаживали пугающее впечатление. И прямо посреди лба ильха темнел неаккуратно выжженный рисунок – то ли рыбка, то ли птичка, то ли не пойми что.

На всякий случай я отодвинулась подальше.

– С хёггкара утащил или из долины? Личика не рассмотреть, ну-ка, покажи свои глазки, дева!

Я резко подняла подбородок от меховой опушки, хмуро глянула на веселящихся мужчин.

– Личико у девы пригожее, без шрамов, – одобрительно цокнул языком человек-медведь.

Я отодвинулась еще дальше.

– А остальное такое же ладное? То, что под плащом?

Мужики засмеялись. И даже проклятый морской змей ухмыльнулся!

– А остальное я и сам пока не рассмотрел, – весело сообщил он. – Эта дева сама меня позвала, из воды. Просила спасти ее. Я и спас. – Ильх все с той же улыбкой повернулся ко мне. – Поблаговаришь позже, лильган. Пока ты моя гостья, поешь и согрейся. А поплаваем с тобой позже... Завтра.

– Эх, я бы с ней тоже поплавал...

– Иди со своей Вихле плавать!

Светловолосый протянул руку, желая поправить край моего плаща. Я отшатнулась.

– Не трогай меня! Я же сказала – не буду я с тобой плавать! Совсем! – возмутилась я, не выдержав. От веселых глаз ильхов кружилась голова. Это они что же, стоят сейчас и обсуждают, когда я буду... мм... благодарить этого светловолосого дикаря? Обсуждают и посмеиваются? Да что за варварство такое!

Ильхи разом замолчали. Теперь они смотрели как-то странно. Что было в их глазах? Возмущение? Непонимание?

– Нет? – спокойно спросил мой спаситель. И все же в глубине его глаз было что-то такое... от чего хотелось сделать шаг назад. А еще лучше – сбежать на другой фьорд!

– Что ж... право твое. Не хочешь со мной плавать – уж заставлять не буду, – усмехнулся он. – Но тогда как ты отдашь мне долг, лильган? За спасенную жизнь?

Варвары замолчали, притихли. Я осмотрелась растерянno.

– Руки у девы белые. Без следов тяжелой работы. И без мозолей, – задумчиво протянул худой и полностью седой ильх.

Или не седой? Но тогда почему его волосы белые, словно снег? В длинных заплетенных косицах болтались многочисленные стеклянные бусины, кольца и разноцветные камушки.

А когда ильх обернулся, я едва не вскрикнула. Лицо мужчины оказалось неожиданно молодым, а глаза... Один – почти прозрачный, с толикой голубого цвета на светлой радужке. А второй... Вместо второго в глазницу был вставлен желтый янтарь. Выглядело это пугающе. Бледную щеку блондина тоже пересекал резкий черный знак. И в отличие от большинства, одет этот ильх был почти роскошно, в меха и шелк. По горловине ярко-синей рубахи вился алый

узор – крылатые змеи... хёгги. Такие же были выбиты на двух серебряных бляшках, держащих концы рысьей шкуры, накинута на плечи варвара. У рыси сохранились лапы, хвост и даже голова, и сейчас шкура хищно скалилась желтыми клыками и поглядывала на меня зелеными камушками-глазами. Как мне казалось – с неприязнью.

Как раз этого ильха называли Эйтри.

– Может, дева родовита? – с усмешкой продолжил он. Край красивого мужского рта перечеркивал рубец, отчего левый угол резко опускался вниз. – Только вот я вижу край ее сорочки – домотканой и серой, как у простых прислужниц или невольниц. Ни шелковой полоски по краю, ни узора, пусть и самого простого. Волосы девы без лент и заколок, и украшений никаких. Разве родовитую деву кто-то выпустит из дома без колец, цепей, драгоценного пояса или браслетов? А у этой ни одного золотого колечка. Ни единого! Да даже серебряных нету!

Я насупилась и в душе мрачно «поблагодарила» тех, кто снаряжал меня на фьорды. Могли бы и выделить парочку побрякушек! Скряги! Хотя зачем украшать будущий труп?

Скряги и мерзавцы.

– Да и выглядит дева странно... – продолжил беловолосый Эйтри, обходя меня по кругу, словно зверь.

Мягкая поступь варвара пугала. Да что там! Они все меня изрядно пугали. Только бежать мне оказалось некуда.

– Ее волосы, кожа, глаза... и говорит странно. А может, пришла и вовсе вёльда?

Мужики втянули воздух и разом склонили головы, прищурились, как стая диких волков.

Я покосилась на воду, решая – нырять прямо сейчас или повременить. Одно ясно: кем бы ни были эти вёльды, но лучше мне не представляться одной из них! Да и о Конфедерации лучше помалкивать. А то вдруг это еще хуже, чем быть вёльдой? Что-то мне подсказывает, жители фьордов не жалуют затуманных

гостей. Если ильхи столетиями скрывали свой мир от Конфедерации, то вряд ли будут рады незваной чужачке с той стороны.

– Я не вёльда! – максимально честно сказала я. Еще знать бы, кто они такие.

– Так откуда ты?

– Я... издалека! – пробормотала, нервно пытаюсь припомнить хоть одно название. А ведь капитан хёггкара что-то такое говорил, вот точно... как же оно... – Из Гараскона! Я из Гараскона!

Кто-то из ильхов фыркнул.

– Гараскон? Это тот, что за Бурым лесом? Ох, дикий край. Кажись, старый Дюккаль из Гараскона? А нет, он из Гравера...

Мужики немного поспорили, решая, откуда взялся неведомый мне Дюккаль. Я же украдкой покосилась на своего спасителя. И наткнулась на острый, внимательный взгляд.

Торферд-медведь наклонился, всматриваясь в мое лицо.

– Видать, когда твои мамка с папкой над тобой трудились, рядом звали два хёгга, один был черный, а другой – белый! – прогудел варвар. – Потому ты такая и получилась! Разномастная!

Кто-то расхохотался, другие принялись жарко доказывать, что не может такого быть, и дитя рождается с метками одного лишь риара, а никак иначе. Обсуждение сопровождалось откровенными намеками, которые тоже вызывали общий хохот.

Я молчала, потому что снова ни черта не понимала. Какие риары? Куда звали? Зачем? Но напряжение, грозящее закипеть и взорваться, схлынуло, теперь ильхи улыбались и не казались зверьми, готовыми меня сожрать.

– Как ты оказалась в воде, дева? Свалилась с хёггкара?

– Сама она прыгнула, – произнес мой спаситель, по-прежнему внимательно рассматривая меня.

И от его острого взгляда захотелось куда-нибудь спрятаться. И снова волна коснулась меня изнутри...

«Поплавай со мной...»

Ильх нахмурился и отвернулся.

– Так чем ты заплатишь долг, лильган? – ожил «медведь». – Отдать долг спасителю – это дело чести. Перворожденные сурово накажут всякого, кто не заплатил за свою жизнь. Все это знают. И того, кто спас, ничего не взяв в уплату – тоже. Тебе есть чем отблагодарить за свою жизнь, дева? Может, у тебя припрятано что-то ценное?

Хорошо бы. Проклятые соотечественники могли бы и разориться на какие-нибудь бусики. Эх... Увы, сейчас у меня не было даже обуви, не то что драгоценностей.

Мой спаситель-хёгг молчал. И на меня не смотрел, словно его вообще не интересовал этот вопрос.

– У меня ничего нет... И я... Я не знаю! – вконец растерявшись, пробормотала я. От произошедшего кружилась голова. А еще болели все мои синяки и ссадины.

– Ты просила спасти тебя, а платить не хочешь, – с колючей насмешкой протянул беловолосый Эйтри. – Какая неблагодарная попалась дева. Что Хвален-стяг делает с неблагодарными? Может, на шатию ее?

Ильхи снова радостно ухмыльнулись, чем вконец меня обозлили.

– Да ни о чем я не просила!

– Как же? – обернулся безучастный до этого хёгг. – Сама шептала: помоги мне, спаси. Волна принесла мне твою просьбу, я услышал и поднялся со дна.

Я моргнула. И тут поняла! Я молила воду, но мои слова услышал морской змей, затаившийся в глубине! И принял на свой счет. Вот же гадство! С другой стороны, этот ильх, кем бы он ни был, действительно меня спас. Вытащил из смертельного течения. Если бы не он, я сейчас не стояла бы здесь, не дышала и не ощущала боль побитого тела, доказывающую, что я все еще жива. Я бы лежала на дне и кормила собой рыб.

Брр.

И я не настолько испорчена, чтобы не понимать всего этого.

– Я тебе благодарна, – слегка запнувшись, сказала я. В конце концов, с толпой злых мужчин лучше не спорить. – Я от всего сердца благодарна! Но... Я... я готова отработать свой долг! Я могу убирать или готовить!

– Мне не нужна кухарка, – ровно произнес он. – И вряд ли ты умелая прислужница, слишком руки у тебя мягкие. Что ж, я тебя услышал, лильган. Думай, чем сможешь отдать долг. Время тебе – до заката. А пока – идем. Сегодня ты моя гостья.

Резко развернувшись, словно потеряв ко мне всякий интерес, ильх вышел из грота.

Торферд Коряга укоризненно пощелкал языком.

– Зря ты обидела Шторма, дева. Ой зря. Да еще такими словами... Даже мне гадко. Поплавала бы с ним, уважила, что стоило-то? Нравится нашему хёггу с девами плавать, природа у него такая! Он тебе вообще честь оказал, а ты! Не каждый сунется в Белый Ёрмун, чтобы спасти чужую шкуру. Да что там! Никто не сунется.

– Почему ты зовешь его Штормом? – прошептала я.

– Так его все так зовут. Шторм он и есть, – очень «понятно» пояснил человек-медведь.

И продолжая качать головой и что-то бухтеть, Торферд указал мне на выход. Я вцепилась в мех плаща и двинулась следом. Шторм, значит... Хуже не придумаешь.

Шторм – это то, что однажды уже сломало мою жизнь и меня. То, что почти уничтожило.

И я точно не позволю этому повториться.

Глава 6

За гротом вилась узкая тропинка. С одной стороны ее подпирала скала, с другой – кедры, сосны и густой можжевельник. Земля шелестела сухими листьями и иголками, колющими мои босые ноги. Ботинки-то остались в воде фьорда, а новые мне никто не выдал. Но я шагала молча, поглядывая по сторонам. Ильхи растянулись цепочкой, идти по тропке можно было лишь по одному. Позади меня топал и сопел громила Торферд, так что я старалась быстрее переступать ногами и не спотыкаться. А то если такой здоровяк ненароком на меня наступит – раздавит и не заметит!

Шторм ушел вперед. Несмотря на хромоту, двигался он быстро и уверенно. Кажется, он и правда забыл о спасенной деве.

Но стоило мне об этом подумать, как ильх обернулся и махнул мальчишке-угольку, который первым заглянул в грот.

– Брик, отдай деве сапоги, – велел Шторм. – А то она исколет свои нежные пятки и ляжет на несколько дней. И кто мне тогда отдаст долг?

Ильхи рассмеялись, юный Брик поспешно стянул обувь и сунул мне. На Шторма он смотрел как преданный щенок и, кажется, готов был прыгнуть с утеса по одному лишь слову светловолосого варвара.

– Благодарю, – пробормотала я, натягивая жесткие сапоги. На левой подошве обнаружилась изрядная дыра, к тому же обувь оказалась мне велика. Но это

точно лучше, чем топать босой.

– Ага, так пятки ты успел изучить, да, Шторм? – ехидно протянул седой Эйтри.

Ильх обернулся, и на миг наши взгляды встретились. И снова почудилось, что в его глазах живет море...

– Она своими пятками мне все бока отбила, – с привычной уже насмешкой протянул он и отвернулся.

Варвары снова расхохотались, словно в этом было хоть что-то смешное! Насупившись, я двинулась дальше. Шторм рассказывал юному Брику о ночной битве с течением, и по его словам выходило забавное и веселое приключение, а вовсе не смертельная схватка. Я топала позади и сверлила взглядом спину этого вруна. Да на нем живого места не осталось, а зубы скалит, словно всю ночь веселился! И остальные хохочут, будто верят!

Тропинка резко завернула, вильнула мимо густых и высоких зарослей и вывела на берег. Ильхи пошли дальше, а я застыла, даже забыв об опасном громиле Торферде.

Впереди темнела извилистая стена из черного камня. Старая, даже древняя. Покрытая лишайником и густо оплетенная колючими растениями. Но за ней... за ней... За ней где-то в вышине парил на скалах город! Я видела лишь его краешек, но даже этого хватило для изумления. Город наползал на гору, вился по ней серпантинном проспектов и мостов, стеклянными шпилями и малахитовыми колонами, стремился ввысь, к самым облакам. Великие боги, что это был за город!

– Вот тебе и скромное поселение с козами, Мира, – ошарашенно пробормотала я. Фьорды весьма болезненно щелкнули по моему снобизму конфедератки.

Я открыла рот, глядя на вздымающиеся к небу башни. Потом взгляд переместился на железное кружево моста, соединившего скалы, на крепкие добротные здания. Вытесанный из серого и зеленого камня город казался драгоценной шкатулкой, невероятным видением. Дымка утреннего тумана таила его за воздушным шифоном, словно вуаль – лик прекрасной невесты.

– Эй, не смотри туда, – передо мной выросла мрачная фигура Торферда, закрывая обзор. Ильх выглядел рассерженным. – Ты что уставилась? Беды хочешь? На Саленгвард лучше не таращиться понапрасну. Ты что же, не знаешь?

– Я знала, но забыла, – торопливо выкрутилась я. – Я никогда его не видела. Саленгвард. Я не знала, что он такой.

– Да-а-а... – с непонятным выражением протянул «медведь». – Такой вот. Ну идем, нам сюда.

И повернувшись спиной к волшебному городу, начал вслед за остальными спускаться по склону. Значит, в этот Саленгвард мы не пойдем? Я ощутила острое разочарование. Тянуло приблизиться, взобраться на высокий пригорок и заглянуть за извилистые высокие стены. Хотелось увидеть не краешек, а весь Саленгвард. Хотелось рассмотреть, почувствовать, прикоснуться! Но ильхи решительно свернули прочь от скал и двинулись через небольшой лесок вниз по склону. И мне ничего не оставалось, кроме как отправиться следом.

Мы шли, пока деревья не скрыли очертания далеких башен. Трава и колючие ветки поминутно цеплялись за подол моего плаща, приходилось его отдирать и ловить насмешливые взгляды ильхов. Варвары шли сквозь деревья так, что не вздрагивала ни одна ветвь, и, кажется, даже трава под их сапогами не приминалась! Я же собрала своим плащом все колючки этого леса, да еще и чихать начала. Горло нещадно першило, и я с печалью размышляла о том, что длительная простуда мне теперь обеспечена.

Густая занавесь иголок и листвы расступилась совершенно неожиданно, и перед нами раскинулся берег.

И тут я снова застыла.

У неровной и каменистой полосы земли плескалась вода. С двух сторон высились горы, по которым вились тонкие белые нити водопадов. Сама бухта расстилалась широким полукругом, заключенная в кольцо прибрежных скал.

А на мелководье лежали черные просмоленные хёггкары – не меньше сотни. Но все они выглядели ужасно. С пробоинами, кое-как залатанными светлыми досками. С кусками грязных и рваных парусов или вовсе без них. С обломанными

мачтами. На некоторых кораблях не имелось носа или кормы. Многие суденышки лежали днищем кверху, беспомощные, как дохлые рыбыны. Здесь были огромные хёггкары и небольшие узкие лодки, на которые сверху пристроили дощатые крыши. Это была не флотилия, нет. Это был город из затонувших и поднятых кораблей. Их вытянули на мелководье и обустроили в качестве жилищ. Между домами-хёггкарами тянулась паутина скользких досок. Иногда они пролегли низко, у самой воды, иногда – высоко, над бортами. Пробоины в кораблях служили окнами, дверьми и дымоходами – порой всем одновременно.

И сейчас в эти дыры выглядывали люди. Заметив нашу процессию, кто-то замахал Шторму. Несколько ильхов расположились на берегу, одни чинили сети, другие о чем-то спорили. Пахло дымом, рыбой и кислым хлебом, так что мой рот поневоле наполнился голодной слюной.

– Хвален-стяг к твоим услугам, дева, – произнес мой спаситель, сделав широкий жест рукой. Оказывается, он стоял совсем близко.

– Хвален... стяг? – повторила я, пробуя на вкус незнакомое слово.

– Чаше его называют Последний берег. Берет все и ничего не отдает. Хотелось бы добавить, что это лучшее место на земле. Но не стану врать, – зло усмехнувшись, ильх кивнул мальчишке: – Брик, отведи деву на «Медузу». Дай ей одежду и накорми. И... пусть Нана приготовит для гостьи отвар. – Ильх с сомнением осмотрел меня, что-то прикидывая, и добавил: – Пусть насыплет ей щепоть пепла. Дева долго проболталась в воде.

Эйтри недовольно цыкнул, глянув на меня своими жуткими глазами. Развернулся и быстро пошел к хёггкарам. Остальные ильхи устремились за ним.

Юный Брик потоптался рядом, оставляя на земле следы босых ног.

– Идем! Ну идем же! – поторопил мальчишка с досадой. Похоже, ему не понравилась необходимость «нянчиться» с гостьей-чужачкой.

Я послушно двинулась за ним, а когда обернулась – Шторм уже ушел.

«Медуза» оказалась небольшим хёггкармом, к моему удивлению – почти целым. Парусов только не было, а мачта торчала черным сломанным клыком. Корабль лежал в отдалении от основного плавучего города, за нагромождением валунов. На многих хёггкарах я видела веревочные лестницы, но здесь, к счастью, на борт вела доска с прибитыми дощечками. И почему-то, глядя на нее, я снова вспомнила, как Шторм хромал по тропинке.

Лавок для гребцов на корабле не было. Половину судна накрывала «крыша» из досок и выделанных шкур. Внутри обнаружилась одна длинная, но узкая комната. Я осмотрелась. В самом дальнем углу – кровать, укрытая шкурами и одеялами. С потолочной балки спускались две полосы тяжелой ткани, образуя над ложем своеобразный балдахин. Вероятно, для защиты от ветра и холода. Сбоку стол, сооруженный из старого ящика, поставленного на одну кривую деревянную ножку. Рядом – скамья, несколько глубоких корзин и сундук с тяжелым замком. Пол покрыт сухим тростником. В углу висела большая, с меня ростом, пузатая колба, доверху наполненная тлеющими углями. Я удивленно потрогала ее теплый бок, размышляя, как варвары изготовили такую большую и почти идеально ровную стеклянную посудину?

Квадратные отверстия, в которые некогда просовывали весла, оказались забиты досками, чтобы не пропускать холод. Лишь одно оставили открытым, и толстый луч дневного света рассекал эту странную комнату на две части.

Я снова осмотрелась. Да уж... О комфорте здесь можно только мечтать.

– Чей это... дом?

– Шторма, конечно. Ты ведь его гостья. Можешь поспать или отдохнуть, делай что хочешь. Шторм сегодня переночует в другом месте.

Сегодня. А завтра? Когда я перестану быть гостьей и стану просто должницей?

– Мыться мы ходим в гроты, – важно сообщил Брик, роясь в одной из корзин.

Я вытянула шею, пытаюсь рассмотреть ее содержимое. И увидела одежду, одеяла, шкуры, какие-то деревяшки и остатки утвари. Целую кучу непонятного барахла.

– Но в тот, где ты была, больше не ходи, этот грот лишь для Шторма. Он злится, если туда чужой заходит. А Шторма лучше не злить... Это лишь сегодня мы не выдержали, потому как старый Дюккаль увидел, как хёгга тащит по камням Белый Ёрмун.

Я моргнула с недоумением. Шторма лучше не злить? Странно, вообще-то ильх не показался мне опасным или агрессивным. Тот же Торферд Коряга выглядит куда внушительнее, чем мой светловолосый хромающий спаситель.

– Да и далеко тот грот, ходить туда все равно неудобно, – между тем продолжил мальчик. – А за деревьями есть еще один, здоровенный! Его уже люди сложили, над источником, чтобы греться и отмываться от грязи. Вот туда можно ходить. А когда захочешь в нужник, топай за скалы, дома должна быть чистота! Нет, на «Медузе», конечно, есть нужная дыра, найдешь, если что... Но лучше иди за скалы, поняла?

Я сдержала улыбку. Чистота у них дома, ну надо же! Представила, как сижу под каким-нибудь колючим кустом, да еще и во время дождя, и немного загрустила. Но тут же себя одернула. Ничего, это все временно. Вернусь домой и снова буду радоваться благам цивилизации. И таким достижениям великого прогресса, как туалетная бумага и унитаз.

– А кто живет в том городе? В Саленгварде? – не сдержала я любопытства.

Но тут Брик помрачнел, насупился. Глянул на меня косо и буркнул:

– Ты совсем без головы? В Саленгварде жить нельзя. Смерть там.

Я от души чихнула и задумчиво сдула с носа длинную челку.

– Постой-ка... Ты хочешь сказать, что весь этот город, весь огромный город – стоит пустой? И что там никто не живет? Совсем?

Это не укладывалось в моей голове. Зачем ютиться на гнилых дырявых хёггках, если рядом пустует целый город? Основательный, хороший, удобный город?

Ерунда какая-то!

Брик развернулся и сложил на груди руки, изо всех сил копируя позу и мимику Шторма. Но у того это получалось естественно, а худющий мальчишка с поднятыми лохматыми бровями выглядел в такой позе смешно и нелепо.

Но, конечно, я не стала об этом говорить и снова удержала улыбку.

– Нельзя там жить, дева! Ты что же, не знаешь о Саленгварде? Все знают!

– Я издалека, – неопределенно пожала плечами.

– Саленгвард – это гибель, – понизив голос до испуганного шепота, сказал мальчишка. – Каждый, кто войдет в город, будет проклят Перворожденными. Духи от него отвернутся. И даже после смерти не примут на вечный пир. В Саленгварде смерть выпивает сначала тепло, потом дыхание. Забирает по капле, а потом ничего не остается. Все мертвое.

Я едва слышно хмыкнула. Что еще за глупые байки?

– Ты сам-то там был?

Мальчик вытаращился так, словно я сказала великую глупость. Глянул боязливо через плечо.

– Смеешься? Нет, конечно. Хотел как-то глянуть, но меня Шторм потом так уму научил... – Брик слегка сконфузился. – Нельзя живым в Саленгвард. Его риар много лет назад нарушил законы Перворожденных. И они его проклинали навеки. Мертвое там все... Даже дышать трудно. Хочется грудь разодрать, чтобы хоть глоток сделать! Камни там мертвые, земля мертвая, лес, что рядом... Жуть одна. Все погибло! Даже на охоту мы ходим за дальние скалы, три дня идти надо! Через перевал. И даже там мертвечиной тянет. Одну лишь воду убить не удалось, потому как вода вездесущая. И течет со всех сторон, и обновляется каждый день. Воду не убить даже Саленгварду. Мы потому на воде и живем, лильган. Пока еще живем. Потому что... Знаешь что! Не говори о Саленгварде! Не смотри в его сторону и не думай. Не буди то, что за стеной.

Он осекся, насупился и замолчал. Я поняла, что больше о пугающем месте Брик не скажет. Ну и ладно, у меня и других вопросов полно.

Лильган... я покрутила в голове непривычное слово. Кажется, я уже поняла, что оно значит. Должница.

А вот что значит другое слово – «кьяли»?

Я спросила, и мальчишка неожиданно ярко покраснел.

– Это... ну в общем... нежданное сокровище. Так говорят женщине, которая... которая... ну, вызывает сильное... вожделение!

– Не продолжай! – Я уже пожалела, что спросила. – Вообще-то меня зовут Миранда. Мира.

– Ты странная, Мира. Очень странная! – округлил глаза паренек.

Я рассмеялась и пожала плечами, решив, что это лучший ответ, когда ничегошеньки не понимаешь!

Мальчик снова вернулся к корзинам. Поиски его наконец увенчались успехом, и Бриг, сунув мне в руки комок тканей, вышел. Я же с содроганием стянула с себя влажную одежду и с блаженным стоном облачилась в сухое и теплое. Мне выдали вытертую синюю рубашку, явно мужскую, пришлось подворачивать длинные рукава. От ткани пахло сухими травами и тоже – солью. Ею тут пропахло абсолютно все. Сверху я натянула серое платье без рукавов, с высокими боковыми разрезами и низкой горловиной. Край платья украшал белый узор. Я удивленно погладила вышивку. Гладкие стежки лежали ровно-ровно, один к одному. И казалось, рисунок нанесли не иглой, а кистью. Скалы, солнце и полумесяц, звезды, и конечно – извилистая лента фьордов, тянущаяся по всему подолу. Вроде и просто, а красиво так, что глаз не оторвать. Какая мастерица сшила и украсила это платье? Оно не новое и явно многократно стиранное. От ткани платья тянуло затхластью, даже несмотря на мешочки с сухими травами. Эту вещь очень давно не доставали из корзины. Я снова погладила вышивку. Платье и рубашка – чистые и сухие, и это самое важное. Хотя сейчас я бы надела что угодно, лишь бы согреться! На ноги полагалось натянуть тонкие штаны, вязанные носки и башмаки. К счастью, они пришлись мне впору.

Подсохшие волосы я кое-как расчесала пальцами и стянула в хвост выданной веревочкой. Только вот челка упрямо падала на лоб и щеки, так что я периодически ее сдувала. По меркам варваров было совсем тепло, на берегу многие ильхи расхаживали босиком, с подвернутыми до колен штанами и в легких безрукавках, а то и вовсе без них.

«Фьорды согрелись», – сказал капитан.

Я же снова расчихалась и поэтому мрачно натянула сверху еще и плащ. Короткий мех на опушке неуловимо пах морем. Совсем как светловолосый варвар со странным именем.

С досадой мотнув головой, чтобы выбросить из нее слишком навязчивое воспоминание, я вышла из «комнаты». Бриг, увидев меня, кивнул одобрительно и повел обедать.

Увы, вдобавок к чиханию меня начало знобить. Я куталась в плащ, уныло размышляя, удастся ли найти на этом берегу хоть какого-нибудь врача. Или кто у них тут? Знахари? Мне бы не помешала пара пилюль с антибиотиком и антисептиком! Конечно, здесь я не найду ничего подобного, но вдруг у местных имеются хоть какие-то снадобья? Я скривилась, представив себе лекарство из сушеной жабы и водорослей. Чем еще могут лечить варвары? О нормальных лекарствах здесь и не слышали! Хотя местные ильхи выглядят удивительно здоровыми и крепкими. Верно, на них климат влияет! И хорошая экология.

Ссадины на моем теле тоже болели, добавляя «приятных» ощущений. Я приложила ладонь к горячему лбу и поняла, что дело плохо. Меня потряхивало от поднимающейся температуры, даже аппетит пропал. Хотела окликнуть Брика и сказать, что обойдусь без обеда и лучше вернусь на «Медузу», но мальчишка уже пробежал по шатким доскам и оказался на берегу. На границе с водой лежала большая перевернутая ладья. В нее иногда входили ильхи, и именно из ее пробоин-окон тянуло дымом и едой. Брик юркнул в проем, так что мне ничего не оставалось, как пойти следом.

Поморгав, я постояла на пороге, привыкая к полумраку. Внутри лодки-таверны обнаружили несколько длинных столов и подле них – лавки.

– Здесь готовит Нана, – пояснил Брик, снова возникая рядом. – Берет недорого, а еда у нее всегда вкусная! Тебе туда. – Брик ткнул пальцем на скамью. – Ты дева, но не родовитая, значит, должна сидеть с краю... Но сегодня ты гостя хёгга... Значит, надо посадить на лучшее место. Точно, туда!

Я устало покачала головой, пытаюсь уяснить правила местной иерархии. Хотя какая разница? Туда, значит, туда! Я готова и на пол сесть, не гордая. Голова закружилась, а от запахов еды к горлу подкатила нехорошая тошнота. Вот же гадство.

Я села на доску, укрытую шкурой, и тяжело сглотнула.

– Знаешь, Брик, я, кажется, не голодна...

– Садись-садись, сегодня Нана приготовила суп из медвежатины. Торферд – ее брат, лишь вчера притащил, огромный зверюга был! Больше самого Торферда! Вкуснятина!

Я моргнула и не стала говорить, что вполне обошлась бы без таких подробностей. Джет несколько лет назад вступил в фонд защиты диких животных, и я тоже, желая быть к нему ближе. Интересно, как отреагировали бы члены фонда на суп из медвежатины?

Промеж лавок пытел жаром каменный круг, в котором лежали угли. Но к моему удивлению, дыма от них почти не было. Над кругом исходил ароматным паром большой котел с мясной похлебкой. Рядом топталась женщина-великанша. Огромная, так сильно похожая на Торферда, что не оставалось сомнений в их близком родстве. На самом деле она выглядела его почти полным близнецом. Только лицо кухарки было лишено обильной черной растительности, а впереди виднелась пышная грудь. В остальном же – ну точная копия! На женщине было широкое зеленое платье без рукавов, богато украшенное серебряной и золотой вышивкой, а из-под подола виднелись кожаные мужские штаны и огромные грубые сапоги. На внушительном бюсте блестели две крупные, с кулак, серебряные застёжки, а между ними свисала толстенная цепь. Оголенные руки Наны заботливо обнимали широкие и блестящие браслеты, похожие на ободья колес, а пальцы сверкали от массивных колец. В спутанных черных волосах болтались многочисленные украшения – монеты, бусины, стеклышки и кусочки дерева. А на широком кожаном поясе звякали различные висюльки и набитые

добром мешочки. Похоже, эта удивительная женщина таскала на себе все свое богатство.

Я опустила голову, скрывая улыбку. Ну вот, теперь понятно, как должна выглядеть приличная девушка. Не то что я, нищенка!

– И кто это у нас тут? – вскинув кустистые черные брови, пробасила великанша.

– Гостя Шторма! Он велел накормить ее и напоить отваром пепла! Целую щепоть велел насыпать! – бодро отрапортовал Брик.

Женщина хмыкнула и подошла ближе. Снова уперла руки в бока, рассматривая меня.

– Тонкая и нежная, никуда не годная! – постановила великанша презрительно. – Ее же тронь – так сломается! И что за девы нынче пошли! Ни меч поднять, ни ильха в первую ночь приласкать! Никуда не годная дева!

– Я годная, – огрызнулась я сердито, но женщина уже ушла. Вернувшись, она бухнула передо мной тарелку густого варева. На поверхности в слое жира покачивались сухари и шкварки.

Я сглотнула сухим горлом.

– У вас нет другой еды? Это... это слишком жирная пища. Вредная.

Нана изумленно подняла брови. Брик вытаращился, словно я сказала несусветную глупость.

– Шторм ее через Белый Ёрмун тащил, – громким шепотом поведал мальчишка. – Видать, малость того... головой ударилась!

– Ааа, – понимающе хмыкнула Нана.

– Ничего я не ударилась! К тому же я здесь и все слышу.

– Со слухом вот уже порядок, а с головой еще беда-а-а, – все так же тараща глаза, пояснил вредный мальчишка, и Нана поняливо что-то забормотала.

Продолжая бурчать себе под нос – видимо, это была их семейная привычка, – повариха вернулась к своему месту и достала из сундука маленькую шкатулку. Я вытянула шею, внезапно заинтересовавшись. Под крышкой белел порошок, отливающий красноватым блеском. Этот блеск был удивительным и ни на что не похожим, словно по белому снегу пробежала жаркая искра. Глянешь – и видишь ее. Глянешь снова – и ничего нет, лишь белые крупинки.

Нана осторожно подцепила шепотку, кинула в кружку, залила горячей водой и принесла мне.

– Пей, малахольная. Живо давай, что таращишься, как испуганная коза?

То ли от поднимающейся температуры, то ли от того, что мне становилось все хуже, я не стала спорить, а просто в несколько глотков выпила отвар. Вкус оказался солоноватым. Неужели мне насыпали обычную соль? Вдруг варвары считают ее лекарством? Тогда придется их разочаровать, от высокой температуры и многочисленных ушибов соль не поможет.

– Ну вот и хорошо, вот и славно, – неожиданно ласково проговорила Нана и отобрала у меня пустую кружку. – А теперь супца наверни, да с мясцом, и совсем полегчает.

– Я не хочу есть... – начала я, но великанша уже ушла. Несмотря на внушительные размеры, двигалась она легко и даже как-то грациозно.

Я поворочала языком, сглатывая сухим и больным горлом слюну. И тут ощутила, как внутри разгорается пламя. Обжигающая лава прокатилась по венам и мышцам, меня бросило в жаркий пот. Дышать стало нечем. Я открыла рот, пытаюсь сделать хоть один глоток спасительного воздуха. Единый, неужели мне дали яд? Но зачем? За что?

В глазах потемнело.

На миг я лишилась всех органов чувств, я почти умерла.

Я...

Хотела закричать, но не смогла.

И тут все закончилось. Лава схлынула, словно ее смыли прохладной родниковой водой. Я жадно втянула воздух. И снова! И тут поняла... что горло не болит. Совсем! Заложенный нос снова свободно дышит, а легкие не горят на каждом вздохе. Не веря, прижала ладонь ко лбу. Все еще жаркий, но озноб почти прошел. Температура спадает! Симптомы болезни, которая по всем признакам обещала стать затяжной и тяжелой, отступили буквально за несколько минут! Но как это возможно? И еще... мне до одури захотелось есть! Вот просто невыносимо!

Пока я изумленно пыталась понять, что со мной происходит, Нана поставила рядом с моей тарелкой исходящую паром кружку, от которой пахло дикими ягодами. Брик получил такой же набор и уже вовсю уплетал свой обед.

Я осторожно опустила ложку в густой жирный суп, щедро сдобренный шкварками и сухарями. За такой обед любой пловец получил бы по шее от тренера. Еда должна быть питательной и легкой. Лучше всего – смесь протеина и витаминных добавок, от них и тело сильное, и разум ясный. Правда, и вкуса почти никакого, но так еда ведь нужна не для того, чтобы ублажать язык. Так делают лишь глупые дикие варвары. Я же уже много лет питалась лишь рекомендованной едой.

Я поболтала ложкой, не решаясь отправить жирную похлебку в рот. Но голод взял свое. Осторожно сунула в рот, подержала. Проглотила. Посмотрела на ухмыляющуюся Нану. И торопливо зачерпнула еще варева, да побольше!

Кушанье оказалось непривычным, но очень вкусным. Невероятно, восхитительно вкусным! Или я настолько проголодалась? Не в силах сдерживаться, я начала лопать наперегонки с Бриком, хлебая суп и заедая лепешкой. И даже не заметила, как съела все, целую тарелку!

По телу разлилась восхитительная блаженная сытость. Кажется, во время еды я даже немного мычала, совершенно забыв о культурном поведении за столом. Казалось, заberi у меня ложку – и я буду пить прямо из тарелки, а отбери тарелку – и я перегрызу мерзавцу горло.

– Голод скоро пройдет, – понимающе улыбнулся Брик, который уже прикончил свою порцию и довольно облизывал пальцы. – Это все из-за пепла. Целая щепоть, вот ты и голодная... Ничего, зато болезнь исчезнет без следа. Благодарю Шторма за щедрость, не каждый гость получает целую щепоть пепла. Но ты и правда дева нежная, разболеешься, хуже будет.

«Это я-то нежная?» – едва не завопила я, но рот был занят едой. Да я профессиональная спортсменка! Какая тут нежность?

Кстати, а почему белый порошок называют пеплом?

По примеру Брика я облизала ложку, но к счастью, голод и правда почти отступил.

– Что такое пепел? Тот порошок, что вы мне дали? Это лекарство? Растение? Или какой-то корешок? Он растет здесь? Это же изумительно. У него просто потрясающее действие, вы это знаете? Нет, это же невероятно! Лучше, чем антибиотик!

– А вот пустой болтливости после пепла я раньше не замечал, – задумчиво протянул вредный мальчишка. – Видать, это у тебя врожденное! Конечно, мы знаем о свойствах порошка. Не переживай, болеть ты теперь не будешь. Ну, я пошел, на «Медузу» ты и сама можешь вернуться. Дел еще полно!

И Брик сбежал от меня, прихватив свою грязную тарелку. Я с сожалением посмотрела на пустую свою. Хотела попросить добавки, но тут ощутила, что совершенно сыта! Вот просто под горлышко. Голод и правда отступил так же внезапно, как и моя болезнь.

А еще показалось, что я стала лучше видеть. И слышать. И... обонять! Все мои органы чувств словно омыли живительной водой, убрав накопившуюся с годами пыль и сняв клочья паутины. И все они теперь сияли и блестели от свежести и чистоты.

Изумительно!

Желая подтвердить смутную догадку, я задрала рукав и уставилась на свою руку. Еще час назад на запястье красовался темно-фиолетовый синяк. И сам локоть опух, я сильно его ушибла. А сейчас не было ни боли, ни... синяка. От него остались лишь желтоватые очертания, словно с момента удара прошла пара недель.

И что-то мне подсказывает, что такую же картину я увижу на всем своем теле. Но как это возможно? Как? Что за чудесный порошок, обладающий такими исцеляющими и обновляющими свойствами? Да ни одно лекарство Конфедерации на это не способно!

Я вернула рукав на место. Ответов у меня, конечно, не было. А местные явно не собираются просвещать меня насчет пепла. Вон даже Брик – мальчишка совсем, а как ловко ушел от моих вопросов.

Покачивая головой, я решила пока оставить все их при себе. Чувствовала я себя теперь просто превосходно. Вот только и за это тоже надо благодарить Шторма.

Глава 7

Пока я наворачивала похлебку, помещение заполнилось местными жителями. Вошедшие ильхи тихо переговаривались и с явным интересом поглядывали в мою сторону. Один даже поднялся, намереваясь подойти, но тут Бриг громко сообщил, что я гостья Шторма. И сразу все головы повернулись в другую сторону, а смельчак и вовсе сел ко мне спиной.

Я задумчиво сдула со лба челку. Дела! Кажется, мой спаситель обладает здесь авторитетом, и стать его гостьей означает получить охранную грамоту.

И снова я задалась вопросом, что будет, когда эта защита закончится.

Проглотив все до последней капли и повторно облизав ложку, я отнесла тарелку великанше и поспешила уйти. Брик остался за столом с ильхами, похоже, он решил, что его миссия по спасению чужачки закончилась.

Я пошла вдоль моря, размышляя, что делать дальше, и поглядывая по сторонам. Встречные ильхи смотрели с интересом, но не подходили. Наверное, уже знали, что Шторм притащил очередную гостью. И теперь я должна ему не только за спасенную жизнь, но и за одежду с едой. И за свое чудесное исцеление. А времени на раздумья мне дали лишь до вечера. И чем я буду платить? А главное – как мне отсюда выбраться и доплыть до Нероальдафе, где ждет сестру Андерс Эриксон? Может, угнать одну из дырявых лодок? Я фыркнула, представляя себе эту картину. И все же решила присматривать подходящие посудины, на случай, если более разумного плана в моей голове не появится.

За огромными, покрытыми мхом валунами стекал по камням тонкий водопад. А над узким потоком речушки стоял крепкий дощатый домик. Некоторое время я смотрела на него, гадая, зачем здесь поставили такое сооружение. Потом поняла. Да это же и есть нужник! Осторожно заглянула внутрь. Там обнаружилась пара досок, на которые можно сесть, и дыра в них. Запаха, которого я опасалась – не было, все уносил поток, протекающий под домиком. Значит, мокнуть под кустом не нужно, вот радость-то!

Сделав в нужнике необходимые дела, я в задумчивости свернула с утоптанной травы и посмотрела вверх. Туда, где поднимался город.

Что делать, если у тебя ничего нет?

Поискать там, где что-то может быть!

В рассказанные Бриком страшилки я, конечно, не верила. Проклятия, перворожденные... Ерунда какая-то! Внутри поселилась яркая, хмельная бесшабашность, и я решительно двинулась вверх, к Саленгварду. Стена вокруг города казалась черной извилистой змеей. Оглянулась – меня никто не останавливал и не кричал вслед. Рядом вообще никого не было – только кусты и деревья.

Размышляя о своей участи, я поднималась все выше. Вот и тропинка, что ведет к гроту Шторма. И стоило подумать о нем, как внутри лизнуло жаркой волной.

«Поплаваешь со мной, кьяли?»

Кьяли-сокровище. Демоны! Ну почему я снова о нем думаю!

Нахмурившись, я обернулась.

Сверху лодки и корабли напоминали ракушки черных рапанов, а вода в заводи казалась светлой. Бухту со всех сторон закрывали скалы, и даже в воде они сужались кольцом, оставляя лишь неширокий проход. Я снова повернулась к стене. У ее подножия клубился туман, он же обволакивал пеленой дома и башни города. А ведь солнце уже высоко... Но от Саленгварда ощутимо тянуло сыростью. Кедр и сосны сменились кривоватыми лиственницами, полянки с мелкими цветами тоже стали исчезать, заменяясь мхом. Серые камни и огромные валуны облепляли лишайники. Я поднималась в гору, но ландшафт сменялся так, словно напротив – опускалась в низину. Солнце закатилось за скалу, и Саленгвард снова окрасился в глубокий синий цвет. Со стороны города не доносилось ни звука. Неужели там действительно никого нет? Но это ведь глупость! Что может выгнать людей из удобных и красивых домов? Да еще и этот туман... Ерунда какая-то!

А может, Брик соврал? И за городской стеной живут люди, которые мне помогут? Точно! Наверняка, так и есть.

До стены оставалось совсем немного, я уже видела ее – огромную, в три моих роста. А то и выше! Как варвары сумели сложить ее без специальной техники и грузоподъемников? А весь город? Еще одна загадка фьордов...

Добравшись до вожаделенной цели, я выдохнула и потрогала стену. Холодная. Словно ее никогда не касались солнечные лучи. Перелезть через такую преграду невозможно. В кладке почти не было выступов – настолько плотно прилегали друг к другу гладко обтесанные камни. И снова возник вопрос – как варвары это сделали. Что за инструмент стесал булыжники до гладкости стекла?

Качая головой, я двинулась вдоль стены, надеясь найти какую-нибудь лазейку, чтобы пробраться на другую сторону. Мне повезло: через сотню шагов я увидела свисающие стебли засохшего плюща. Наверное, когда город был обитаем, стену чистили от вьющихся растений, а сейчас заниматься этим стало некому. Располагался плющ довольно высоко, но я разбежалась, подпрыгнула и сумела уцепиться за стебли. Растение выдержало, а я, подтянувшись, шустро полезла вверх. Добравшись до верха, перемахнула через нее и спустилась вниз.

Выдохнула. Я здесь! В Саленгварде!

Прямо передо мной расстилалась улица. Неподалеку стояли дома – деревянные стены и крыши были сплошь укрыты бурым мхом, засохшими колючими растениями и бледными поганками. Я осторожно двинулась вперед, осматриваясь по сторонам. В крови кипел азарт, все чувства обострились до предела.

– Эй, – негромко произнесла я, приблизившись к одному из домов. – Есть кто-нибудь?

Мне никто не ответил. Над городом висела тишина, только вдалеке шелестела стекающая вода. Я двинулась дальше, вглубь города. Деревянные дома сменились каменными, тоже сплошь покрытыми лишайниками и влажными грибницами. С удивлением я обнаружила, что в окнах есть стекла! Стекла! Не привычные мне, а словно созданные из множества ледяных чешуек, складывающихся в замысловатый узор. Одноэтажные постройки сменились двухэтажными, но я по-прежнему не видела людей. Как же так? Выходит, мальчишка не соврал? Но почему люди покинули город? Почему живут на воде, ютятся на разбитых хёггкарах, когда здесь стоят такие крепкие дома?

Непонятно.

И очень, очень странно. Еще мальчик говорил, что здесь трудно дышать. Я постояла, делая глубокие вдохи. Создавалось ощущение, что воздуха и правда меньше, чем на берегу. Словно дышишь, а надышаться не получается. Но это чувство было знакомым... Так же дышится в столице Конфедерации.

Или все дело в тумане, клочьями расползающемся вокруг? Порой даже чудилось, что в мареве движутся силуэты, но стоило присмотреться – и я видела лишь пелену.

Задумавшись над этой странной иллюзией и отгоняя страх, я двинулась дальше. Может, заглянуть в один из домов?

Решившись, я толкнула деревянную дверь. Не заперто. Постояла на пороге, моргая и привыкая к полумраку. Взгляду открылась комната, вполне обычная, если не считать плесени на стенах и лишайника под ногами. Я осмотрелась. Резной стол у окна, кровать с широким изголовьем и резьбой по дереву. В

переплетении линий взлетали в небеса хёгги, распускались бутоны, плескалось море. Красиво... Одежда и тюфяк от времени превратились в гнилую ветошь, прикасаться к ним я не стала. Сделала несколько осторожных шагов. В углу качнулся на сквозняке пыльный стеклянный цветок, внутри которого... закручивались тонкие зеленые спирали. Единый, да это же лампа! Почти такая же, как у меня дома!

Осторожно повернула витой рычажок. Но чуда не произошло, лампа не вспыхнула светом.

– На что ты рассчитывала, Мира, – усмехнулась я, оглядываясь. – Неужели ты действительно ожидала, что в древнем городе варваров имеется электричество?

Подошла к столу. Его покрывал толстый слой трухи и вековой пыли. В центре высилась горка забытой посуды. Я сняла верхнюю, удивленно провела по гладкой, словно облитой шоколадной глазурью поверхности тарелки. Поразительное мастерство! На полке сбоку примостилась утварь попроще, глиняная. Я заглянула в глубокую миску, вытащила мелкий предмет, подняла к свету. Рыболовный крючок. Железный. Четкой формы и почти не заржавевший. И это удивительно, все-таки в Саленгварде довольно сыро.

Наверху что-то приглушенно грохнуло. И, несмотря на мою браваду, страх вымел меня на порог, словно сквозняк – пылинку. Отбежав на пару шагов, я обернулась. На втором этаже дома болталась оконная створка, она-то и стучала от ветра. Вот я глупая!

Рассмеявшись своему страху, я двинулась вперед. Улицы Саленгварда расширялись, стрелами сходясь к главной площади. Тумана здесь было больше, его влажное прикосновение к щекам и рукам вызывало безотчетную дрожь. Так и чудилось, что кто-то касается кожи холодными пальцами...

Удивительно, но под слоем лишайников и разросшихся бледных грибниц я заметила добротную и почти целую брусчатку, а по краю ее – сливные канавки и высокие железные шесты. Словно цветы на тонких ножках. Некоторое время я рассматривала их с недоумением, а потом догадалась. Да это же фонари! Уличное освещение! Невероятно.

Ноги сами принесли меня к площади. Удивительно, но здесь все выглядело хуже, чем на окраинах. От домов остались лишь развалины. Некогда красивая и светлая площадь сейчас была похоронена под слоем камней и обрушившихся деревьев. Те, что уцелели, тянули вверх сухие корявые ветки, словно просили у неба пощады. Листвы на них не было, а стволы темнели от плесени и мха. Может, город погубила буря? Свалила высоченные дубы, выбила стекла из домов, разрушила стены? Осторожно переступив через поваленный ствол, уже почти сгнивший, я посмотрела на странное украшение площади. В ее центре возвышались три железных меча, до половины воткнутые в землю. Черный металл покрывали символы, кажется, руны. Хотя под слоем грязи и ржавчины ничего толком не разобрать.

Я подошла ближе, пытаюсь рассмотреть символы. Непонятные, но такие притягательные... В их плетении таилась ускользающая красота, которую хотелось разгадать. Медленно протянув руку, я тронула нацарапанные знаки.

– Ай!

Ладонь ужалило холодом, словно я коснулась вечной мерзлоты. На кончике пальца выступила капля крови.

– Острый! – удивилась я. А ведь казалось, мечи давно затупились от непогоды и времени.

Растирая руки, я отошла от мечей подальше. В глупости вроде проклятия я, конечно, не верю, но почему-то стало не по себе. Да еще и это проклятое пугающее марево!

За мечами начиналась широкая лестница, ведущая в небеса. Так мне показалось. Я окинула изумленным взглядом тысячи ступеней. Там, наверху, за лестницей, простирались скальные террасы с роскошными строениями, спящими в окружении статуй и парящих орлов. Где-то тихо шелестела вода, стекая по камню. И, конечно, стлался туман, пеленой окутывая весь город. Хотя если присмотреться, клочья марева напоминали не туман, а скорее сизый дым. Но запах гари не ощущался. Тогда откуда он?

Я завороченно уставилась на вершину лестницы, пытаюсь рассмотреть сквозь марево величественное серо-зеленое здание и удивительные скульптуры вокруг.

На верхней террасе, почти упираясь крышей в шапку низкого облака, стоял самый настоящий дворец, окруженный четырьмя башнями. В отличие от зданий вокруг площади, он казался совершенно целым и нетронутым. За ним высился огромный барельеф, выточенный на скале. Присмотревшись, я увидела мужской силуэт со сложенными у груди руками. И мне до безумия захотелось подняться наверх, войти в малахитовое здание, увидеть больше!

Но странный дым-туман мешал, двигался, застилал скалы покрывалом. Может, это марево и есть причина страха местных ильхов? Признаться, даже мне – рациональной до мозга костей жительнице Конфедерации – стало не по себе, пока я всматривалась в него. Все казалось, внутри сизой вуали движется кто-то страшный и изломанный, то ли люди, то ли чудовища... Но тут же туман-дым расходился, обнажая лишь камни да кривые засохшие деревья.

Я потянула носом. Запах я заметила еще в заброшенном доме, но вот странность. Здесь, на открытом воздухе, он был сильнее. Сладковатый и горький одновременно. Некоторое время я хмурилась, пытаюсь понять, что ощущаю. А потом сообразила. И узнав, попятилась. Воспоминания вдруг нахлынули штормовой волной, выбивая из меня и решительность, и оптимизм. Память услужливо отворила ворота бездны, гостеприимно предлагая рухнуть на дно. Снова. Как тогда...

Да, я знала этот запах. Тлен. Смерть. Кровь. Нечто отвратительно гадкое и в то же время так хорошо знакомое...

Сизое марево хлынуло вниз потоком. Террасы целиком затянулись туманом. Кажется, даже солнце исчезло.

Иррациональное чувство страха затопило сознание, и, развернувшись на пятках, я пулей понеслась обратно к стене. Я никогда в жизни так не бегала! Неслась, не чувствуя под собой земли! По сухому плющу я взлетела птицей, распласталась наверху и тяжело втянула воздух. Обернулась. Саленгвард выглядел совершенно пустым и таким же тихим. Просто заброшенный город. Ничего пугающего.

Азарт схлынул, и я вдруг ощутила себя разбитой и уставшей. И чего я понеслась прочь? Все дело в воспоминаниях.

Хлюпнув носом, я посмотрела вниз и тут до меня дошло.

Демоны, да я же просто взлетела на эту стену! Как мне это удалось? Я, конечно, слышала, что от страха люди еще и не такое проделывали, но... Но, кажется, все дело в порошке, который я выпила. Он причина моей силы, скорости и бесстрашия! А вот сейчас его действие начинает отступать, потому что я вдруг осознала, что лежу на пятиметровой высоте и боюсь слезать!

Надеюсь, у моего спуска не было свидетелей, ведь он точно не отличался изяществом. Скорее, я напоминала мешок картошки, неуклюже сброшенный сверху. Покряхтев и отряхнув платье, я побрела обратно к берегу, размышляя о том, что видела и что мне делать дальше. И чего я так испугалась? Надо было подняться наверх, посмотреть в других домах. Вдруг удалось бы найти что-то ценное, чтобы заплатить свой долг? Идея мне не слишком нравилась, она дурно пахивала мародерством. Но какие еще у меня варианты? Да и вряд ли я нашла бы в опустевшем городе что-то, не обратившееся в труху. Брик сказал, что город давно заброшен, там наверняка уже побывали целые толпы разбойников, жаждущих наживы. Остались лишь стены да камни. А их не предоставишь в качестве выкупа!

И что же мне теперь делать?

Пока я блуждала по склонам и лазила через стены, солнце докатилось до снежных вершушек гор и свалилось в просвет между ними. Тени удлиннились и потемнели, день клонился к вечеру.

А я так и не придумала, чем буду платить за свое спасение! Да и что я могу? У меня ничего нет.

Мрачней с каждым шагом, я двигалась к берегу.

И тут на скалах что-то звякнуло и отозвалось эхом чуть ближе, и еще! Словно там засели наблюдатели, которые били в гонги, передавая друг другу какую-то весть. Я ускорила шаг, а потом и вовсе понеслась, подобрав плащ, чтобы не путался в ногах. Из домов-хёггкаров выбегали люди. А между скальными воротами бухты покачивался корабль.

Корабль!

А вдруг... вдруг это за мной? Вдруг Андерс Эриксон каким-то образом прознал, где его «сестра», и прислал помощь?

Шальная надежда подарила мне крылья, и я понеслась к воде. К моему удивлению, пришлый хёггкар не заходил в бухту, а стоял между скалами, словно чего-то ждал. Но чего? На его боках блестели в лучах солнца белые щиты.

Рядом со мной оказался Брик и тоже козырьком приложил руку ко лбу, всматриваясь в воды.

– Почему он не заходит в бухту? – забеспокоилась я. – Чего ждет?

– Так преграда там. Никто просто так не войдет! – Мальчишка широко улыбнулся, показав щербатый рот.

Он подмигнул и рассмеялся. Среди серых волн мелькнуло извилистое тело морского змея. Шторм! Он был там, в воде. Сцепив от волнения руки, я смотрела, как голова змея приподнялась над водой. И тут из-под днища корабля выскользнул еще один хёгг! Кажется, два змея друг друга поняли, потому что Шторм стремительно ушел в глубину, а узкая ладья с завитым носом вошла в бухту.

Глава 8

Вслед за остальными ильхами я снова вернулась в перевернутую лодку Наны. Пользуясь общей суматохой, уселась в самом углу, там, куда почти не дотягивался свет из дыры-оконца. Все лавки заняли ильхи. Большинство – мужчины, но попадались и женские лица. Правда, порой их было трудно отличить от суровых ильхов. Местные девы оказались такие же грозные и крепкие, облаченные в штаны и телогрейки, вооруженные ножами и украшенные черными знаками на лицах. На меня они косились с любопытством, но представляться не торопились.

Я тоже не спешила заводить знакомства, сидела тихонько и помалкивала.

Входная шкура отлетела, и, хромя, вошел Шторм. С его светлых волос капала вода, оставляя темные дорожки на рубахе. Я попыталась отодвинуться еще дальше в угол, чтобы он меня не заметил, но ильх прошел мимо, не повернув головы. Сел в стороне ото всех и кивнул Нане, поставившей перед ним огромную кружку горячего взвара. За торцевым столом на меховой подушке важно устроился смуглый бородатый ильх. Все лицо бородача покрывали мелкие черные символы, отчего он казался рябым. На нем была тяжелая и яркая туника без рукавов, волосатые руки украшали тяжелые плечевые браслеты. Лоб сдавливал золотой обруч с белым камнем, но черного обода, как у Шторма, я не увидела.

И почти сразу появились гости. Первым шел светловолосый, голубоглазый мужчина. На пришлом был обычный для варваров наряд – полотняные штаны, сапоги и расшитая безрукавка. Предплечье его обвивал железный браслет, а шею – черный матовый обруч.

Значит, это хёгг.

Впрочем, я догадалась бы и без украшения на шее. Движения у ильха поражали тягучей и завораживающей грацией. Подобное я уже видела. У Шторма. В краткие мгновения, когда он не хромял.

– Милости Перворожденных этому дивному берегу, – звучно произнес варвар, блестя светло-голубыми глазами. – Долгих лет тебе, Шторм-хёгг. И тебе, Бирон Стервятник.

– И тебе не хворать, Верман-хёгг. Только не забывай называть меня конухм, если не хочешь остаться без языка, – хмуро отозвался «рябой», которого называли Бироном. – С чем ты пожаловал сегодня?

И тут же вошли трое – молодой мужчина, старик и девушка, укутанная в плащ так, что лица не рассмотреть. Лишь по женственной фигуре был понятен пол незнакомки. Жители берега с интересом рассматривали гостей. Пришлый хёгг первым поманил к себе мужчину. Тот смотрел хмуро, но голову держал высоко. Плечистый, темноволосый и черноглазый, одетый лишь в грубые штаны. Весь торс ильха покрывали рубцы и шрамы, руки и ноги сковывала железная цепь. На щеке алел свежий рубец-знак, похожий на перечеркнутую луну.

– Этот Ульф из Торнисхема, – хмыкнул Верман, сделав шумный глоток хмельного напитка. – Знатный воин, бился не в одном сражении и все еще жив, как видите! Славное приобретение, не так ли, конухм Бирон?

– Вижу, риар Торнисхема не оценил ратные заслуги своего воина, – хмыкнул конухм. – Занятный у тебя знак, Ульф. Радуйся, что тебя сразу со скалы не кинули, привязав камень для верности!

– Кинули, – обрадовал Верман-хёгг. – Я когда его вытащил, он уже посинел, бедняга! Но мои ребята откачали, выжил, как видите. И должок отдаст в полной мере! Посмотрите на него! Крепкий, сильный. Плавает, правда, как топор, ну что с него возьмешь, он рожден от зова черного хёгга. Зато мечом орудует так, что зависть берет!

– Только несдержан в своих желаниях, не так ли? – Конухм постучал себя по щеке, намекая на символы пленника. – И слишком любит женщин. Чужих, к своему несчастью.

– Я взял свое! – зарычал пленник. – Риар обманул нас! Пообещал в добычу все, что мы захотим!

– И ты захотел деву риара? Ты не слишком-то умен.

– Меня обманули! Оболгали! Риар Торнисхема испугался моей силы и решил избавиться! Вот как он наградил меня. Клеймом на щеке и камнем на ногах!

– Все говорят, что невинны, как младенцы в люльках, – засмеялся конухм, остальные подхватили. – Зачем ты Последнему берегу, Ульф из Торнисхема?

– Затем, что нет воина лучше меня, – гордо выкрикнул пленник. – Разве вы не слышали моего имени? Лютый Волк, так меня прозвали враги!

По таверне пронесся удивленный и одобрительный гул. Похоже, это имя действительно знали.

– С чего нам тебе верить? Лютый Волк – известный воин!

Ульф сверкнул черными глазами.

– Дай мне меч, конухм, и я покажу тебе, кто я. Я сражусь с твоим лучшим воином, и ты сам все увидишь. Я сражусь даже с хёггом! С ним!

Закованными руками Ульф показал на Шторма. Все это время тот выглядел совершенно безучастным, словно и не слышал того, что творится вокруг.

– Воин Ньордхёгга, я вызываю тебя на бой! – рявкнул Ульф.

Шторм поднял голову. В холодной зелени его глаз плескалось море. И царил полный штиль.

– Возьми клинок и выйди на поединок, хёгг! Я докажу, что на земле озер и скал нет воинов, равных Ульфу из Торнисхема! Возьми свой клинок!

– Я не буду с тобой сражаться, – равнодушно ответил Шторм.

Кто-то из ильхов отвел взгляд, кто-то огорченно прокряхтел.

– Ты отказываешься от боя? – изумленно протянул Ульф. Оглянулся, словно не верил тому, что услышал. – Но... Воин не может отказаться от вызова! Это... позор! У тебя нет чести, хоть ты и носишь на шее кольцо Горлохума!

Шторм усмехнулся и безразлично пожал плечами.

– Или ты... что же... трус? – не унимался Ульф.

Я обернулась. Почему все молчат? Что здесь происходит?

Но в таверне повисла тяжелая, пугающая тишина. Шторм повернул голову, и Ульф тяжело втянул воздух, увидев скрытый до этого знак на щеке хёгга.

– Я не буду с тобой сражаться, – все так же бесцветно повторил Шторм.

– Все, довольно слов, – тяжело поднялся со своего места конухм. – Сколько ты хочешь за этого бойца, Верман?

Шторм снова уставился в свою кружку, словно не замечая того, как рычит ошарашенный и взбешенный Ульф, или как отводят глаза остальные ильхи. Словно все это не имело значения.

Я же медленно разжала ладони. Сама не заметила, как сжала кулаки до красных полукружий на коже.

– Отдам тебе этого славного воина за десять щепотей, конухм, – прокашлявшись, отозвался Верман.

Что?

Что это значит? Они что же... продают людей?

Нет, не так. Здесь продают преступников. Тех, кто так или иначе нарушил законы фьордов. Последний берег. Так называется это место. И теперь название приобрело истинный смысл. Уже новым взглядом я осмотрела собравшихся в таверне ильхов. Их разномастную одежду с чужого плеча и черные знаки – тавра, красующиеся на лицах. Нет, это сделано не для украшения. Совсем нет! Это метки убийц, воров и разбойников. Вот кто проживал на Последнем берегу, рядом с мертвым городом. Лишь здесь никто не станет искать тех, кто был обречен на смерть.

Я сглотнула, и показалось, что звук получился слишком громким. Значит, и мой спаситель – тоже преступник? Что он совершил? За что его наказали? И что означает знак на его лице?

Я ощутила, как губы растягивает неуместная улыбка, а из горла рвется смешок. Подумать только! Из тюрьмы Конфедерации я угодила прямиком к преступникам-ильхам! Была во всем этом какая-то ирония! Все-таки у Единого занятое чувство юмора.

Ильхи снова загомонили, похоже, Верман хотел довольно много. Сам Ульф по-прежнему не спускал горящих черных глаз со Шторма. Он смотрел так, словно

никак не мог поверить в то, что тот ему отказал в поединке.

– За твою жизнь хотят немалую плату, Ульф, – негромко произнес Бирон, и гул голосов стих. Похоже, этот рябой был здесь кем-то вроде короля. – Скажи, стоит ли она такой цены? И будешь ли верен Последнему берегу?

Ульф тяжело выдохнул и наконец отвел взгляд от безучастного Шторма.

– Буду, – четко произнес пленник. – Я знаю, что такое честь! И за свою жизнь расплачусь сполна. Выкупи меня, конухм, и ты не пожалеешь, клянусь!

Шторм задумчиво смотрел в свою кружку, словно видел на дне ответы на все тайны мироздания. Бирон Стервятник придирчиво щурился, рассматривая пленника. Остальные беззастенчиво переговаривались, обсуждая достоинства «приобретения».

И тут конухм кивнул. Плечи Ульфа заметно расслабились, и он отошел в сторону. На его место встал старик. Худой, ссутулившийся от прожитых лет, подслеповато моргающий. Рунических знаков на его лице не было. Казалось, вся жизненная сила старика ушла в серую шевелюру и густую косматую бороду, которая свисала почти до пояса и была завязана в несколько узлов. Ключья бороды внезапно шевельнулись, и из них высунулась кошачья мордочка. Мелкое и серое, как борода старика, животное испуганно дернуло острыми ушами с кисточками и судорожно задвигало усами, принюхиваясь к запаху мясной похлебки.

Старик прошептал питомцу что-то успокаивающее, почесал кошку за ушами и прикрыл ее большими дрожащими ладонями. Оберегая.

– А это Вегард Без Крыши, – недовольно махнул рукой Верман. – Украл козу у знатного горожанина. Украл ради молока для своей драной кошки. Ну не дурень ли? Козу нашли через три дня, а старика и кошку отправили в море. Я их вместе и выловил, зверюга сидела на голове старика, представляешь? Хоть щепоть за него дашь? Хоть половинку? Или к рыбам, да и дело с концом?

– Да зачем он Последнему берегу? – возмутился кто-то из ильхов. – Старый и полуслепой, толку-то никакого! Трясется весь, вы посмотрите! Кормить зазря! Может, лишь кошка и сгодится. На воротник!

Старик молча смотрел на свои босые ноги. Кошка, почуяв неладное, спряталась.

Я с такой силой вцепилась в края лавки, что заболели руки. Хотелось вскочить и заорать, но что толку от моего крика? Я и сама – беспомощная чужачка.

Должница без выкупа. Теперь ясно, что за свою жизнь надо заплатить.

Возможно, это даже справедливо. Но Единый! Ясно, что этот старик не стоит той платы, которую хочет Верман.

Кстати, что это за плата такая – щепоть? Неужели речь идет о белом порошке – пепле? Что-то подсказывало – так и есть.

– Что ты умеешь, Вегард? – негромко произнес Бирон. – Есть ли то, чем ты можешь заплатить за свою жизнь?

– Я... – Старик по-прежнему смотрел на свои босые и грязные ноги. – Когда-то я умел делать лиры, конухм. Прекрасные лиры из прекрасного ясеня. Но потом я стал старым, мои глаза полуслепыми, а руки – слабыми. И больше не мог зарабатывать на хлеб подобной работой. Увы... больше я ничего не умею. Мне нечем заплатить за жизнь.

– В море его! Лишний рот! – снова закричал кто-то со скамьи.

Я обернулась, размышляя, не кинуть ли в крикуна чем-нибудь тяжелым? Вот железная миска с требухой вполне сгодится. Правда, это вряд ли поможет пленнику.

Из бороды старика, словно из норы, снова высунулся любопытный кошачий нос.

– Прочь! В море! Ему здесь не место!

– Почему твой риар о тебе не позаботился? – негромко спросил Шторм.

– Так нет у меня риара, – развел руками старик. – Я был бродячим мастером-скальдом, ходил с одного берега на другой, делал свои лиры. И под руку риара так и не встал... А когда захотел встать – не нашлось того, кто решил бы меня принять. Надо было идти в Нероальдафе или Варисфольд, говорят, там можно найти кров и покровительство. Да только сил у меня уже не было. Сам во всем

виноват, знаю. Так я и стал Вегардом Без Крыши.

– Прочь! В море!

– Он остается, я заплачу щепоть. Нана, накорми гостя, – негромко произнес Шторм, и я ощутила, как отпускает сжавшееся сердце.

Старик удивленно встрепнулся, заморгал быстро-быстро. Не веря, оглянулся на притихших разбойников. Словно боялся, что слова Шторма ему просто почудились. И пока шел к лавке, где ему поставили тарелку с горячей едой, все оглядывался на светловолосого ильха. Оглядывался и оглядывался.

Рябой конухм недовольно скривился, но ничего не сказал.

Сам Шторм на старика уже не смотрел, снова сосредоточив свое внимание на горячем взваре.

– А за эту находку ты заплатишь два десятка щепотей, конухм! – хлопнул в ладоши Верман, и его подручный дернул плащ с женской фигурки.

Ильхи слаженно ахнули. А дева гордо выпрямилась, окинув восторженных мужчин надменным взглядом. Я понимала их чувства, пленница оказалась хороша. Высокая и статная, с красивыми манящими формами, белоснежной кожей и голубыми глазами. Самым удивительным в ее облике были волосы, напоминающие снежную лавину. Соблазнительную фигуру выгодно облегалo тонкое платье. Слишком тонкое, на мой взгляд.

В отличие от грязных и побитых мужчин, деву нарядили в расшитый шелк и тщательно причесали, чтобы подороже продать ее красоту.

– Хороша находка? – Верман прищелкнул языком. – За такую находку не жалко и тридцать щепотей, так, конухм? Но я прошу лишь двадцать! Потому что ценю дружбу с хозяином Последнего берега! А другой на моем месте потребовал бы за деву не меньше пригоршни пепла! Ты только посмотри на эту красоту! Даже звенящие башни Варисфольда не видели деvy прекраснее!

Конухм поддался вперед, черные угли глаз загорелись предвкушением. Даже мне было видно, что он готов согласиться, а тянет лишь для того, чтобы сбить цену.

Шторм поднял голову, но я не увидела на его лице ни одной эмоции.

– На ней нет знака. За что ее наказали? – бесцветно спросил он.

И Верман заметно поскуchnел.

– Да за глупость... ну что могла натворить такая милая дева... А то, что без знака

– к лучшему, Шторм! Чистая она!

– Чистая? А может, просто пожалели красивое личико? Чтобы не входила в незримый мир с выжженной на щеке печатью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/imya-shtorma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)